

АЛЕКСАНДР
ЗОРИЧ

**Знак
разрешения**

Законные мурлы

Пути Звезднорожденных

Александр Зорич

Знак Разрушения

«Автор»

1997

Зорич А.

Знак Разрушения / А. Зорич — «Автор», 1997 — (Пути
Звезднорожденных)

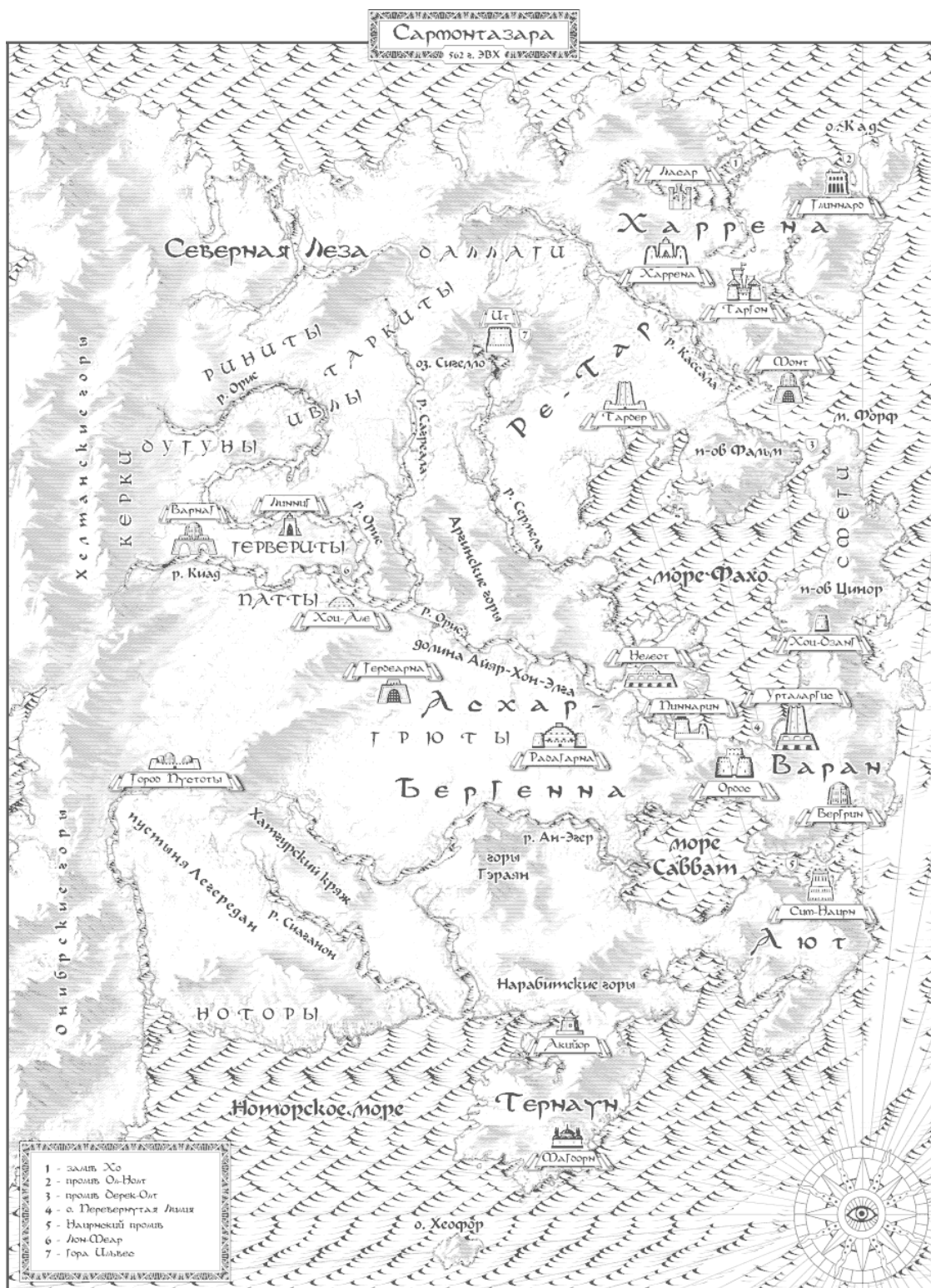
Вот уже много тысяч лет, как канули в прошлое войны Высоких Сущностей – могущественных богов, некогда избравших для себя мир Сармонтазары полем битвы. Однако осталось в мире древнее пророчество – когда-нибудь, в год, когда над Сармонтазарой засверкает огненная комета, родятся трое Звезднорожденных, трое великих воинов-магов, обреченных стать земными воплощениями ушедших богов. И однажды пророчество исполнилось. Теперь Элиену, сыну Тремгора, предстоит стать Белым Кузнецом Гаиллириса. Октангу Урайну – служителем темного Хуммера. Шету окс Лагину же – полководцем, стоящим между Светом и Тьмой. Трое рождены. Новую войну богов уже не остановить!..

© Зорич А., 1997

© Автор, 1997

Содержание

Часть первая	6
Пути звезднорожденных	6
Глава 1	7
Пути Звезднорожденных	19
Глава 2	20
Пути Звезднорожденных	22
Глава 3	27
Пути Звезднорожденных	33
Часть вторая	35
Глава 4	35
Пути Звезднорожденных	45
Глава 5	47
Пути Звезднорожденных	53
Глава 6	56
Пути Звезднорожденных	64
Глава 7	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Часть первая Росток вяза

Пути звезднорожденных 583 г., Седьмой день месяца Гинс

Большой двухэтажный дом на желтых дюнах, обнесенный живой изгородью из терновника в два человеческих роста. Стройные сосны, врезанные закатным солнцем в густую небесную синеву. Смирное море лижет песок в сорока шагах от голубовато-серой стены терновника.

Человек в зеленом плаще, до боли в костяшках пальцев сжимающий рукоять меча, стоит почти на линии прибоя, в полушаге от пенных морских языков. Он всматривается в недостижимый горизонт. Крупная застежка плаща, украшенная чеканным псом, отзывается солнцу багрово-красным. Человек неподвижен, как каменное изваяние, и только край плаща едва шевелится на слабом ветру. Сейчас решится его судьба. Сейчас решится судьба всего древнего рода Акретов.

Столь яркая, что ее не в состоянии затмить даже закатное солнце, над его головой проносится косматая звезда. Ее цвет – багровый, ее имя – Тайа-Ароан, ее смысл до времени скрыт от смертных. Она мчит через небосвод словно одержимая сколопендра, ее не остановить.

Тишина. Но вот песок за его спиной отзывается чьим-то торопливым подошвам.

– Милостивый гиазир Тремгор!

В голосе Гашалы, молодого слуги, слышится радость. Человек оборачивается. От волнения он не в силах вымолвить ни слова.

– Мальчик, милостивый гиазир Тремгор! Ваша жена только что принесла мальчика и оба пребывают в добром здравии!

Человек одним движением срывает с пальца дорогой перстень с резным камнем и, отдав его слуге со словами «Он твой, Гашала», со всех ног бежит к дому.

«Он будет носить имя Элиен. Только Элиен», – думает на бегу гиазир Тремгор, и волна небывалого счастья захлестывает его с головой.

Он никогда не узнает, что в то мгновение, когда небо было распорото надвое косматой звездой, еще двое младенцев громким криком оповестили о своем рождении чуткие сумерки Сармонтазары. Он никогда этого не узнает и будет счастлив вечно: еще тринадцать лет в Ласаре, а после и до скончания времен – в Святой Земле Грем.

Глава 1

Битва на Сагреале

562 г., Семнадцатый день месяца Эсон

Он шел сквозь цепкий кустарник, не разбирая дороги. Шел, не имея ни желаний, ни мыслей.

Со стороны казалось, что это не человек, а механическая кукла безумного итского мастера. Как ходули переставлял он ноги, глупо болталась его голова, покорно сносил он хлесткие удары ветвей.

Он не цедил сквозь стиснутые зубы даллагские проклятия, не пытался защитить исцарапанное лицо, не смотрел в ясное ночное небо, чтобы отыскать Зергвед. И хотя он не видел звезд, он шел верно – шел в свое прошлое, о котором уже никогда не вспомнит, шел к уютному запаху костров и единоплеменникам, что спали на расстеленных шкурах рядом со своими мощными псами и видели вместе с ними одни и те же сны.

Он шел, и за ним не оставалось крови, ведь ее не было больше в его ледяном теле.

Элиен, сын Тремгора, потомок Кроза Основателя из древнего рода Акретов, вышел из шатра навстречу первому, бесцветному и холодному лучу весеннего солнца. Перед ним расстился полевой лагерь харренского войска.

Элиен, первый среди равных, по праву занимал самую вершину холма, с которой открывался вид на неспешную Сагреалу, на прозрачный, окутанный зеленой дымкой набухающих почек лес, на заросшее кустарником поле, которое им предстояло пересечь через два часа.

Ровные ряды островерхих палаток из воловых кож, знамена знатных, ладные харренские латники, мнущиеся с ноги на ногу возле ненужных костров... Все было правильно, все было так, как учили его ветераны Ре-тарской войны, как учил старый и мудрый Сегэллак.

Над лагерем разнеслась песнь боевых труб. Сотники будили своих воинов, конюхи повели лошадей к Сагреале – переход предстоял длинный, проводники сулили ближайший верный водопой лишь к исходу дня.

К Элиену подошел Кавессар, начальник конницы, опытный военачальник, о котором говорили, что с уроженцами Харрены он харренит, с грютами – грют, с женщинами – мужчина, а с врагами – яростный телец. В последнее верилось особенно охотно: рост Кавессара едва не доходил до семи локтей, а его меч мог развалить надвое матерого вепря. Щитом Кавессар пренебрегал – его трехслойные доспехи, набранные из окованных медью срезов с конских копыт, заговоренных его отцом, Сегэллаком, были надежнее самой большой «башни», с какой ходили тяжеловооруженные пешего строя.

– Гиазир, – начал он, немного смущаясь, что было совершенно несвойственно ему, Яростному Тельцу, который в битве на Истаргеринимских холмах, еще юношей, валил грютские колесницы, как валил жертвенные треножки лакомая до сочного тука росомаха, – ты позволишь поделиться с тобой некоторыми наблюдениями...

– Говори, – коротко бросил Элиен, с прищуром глядя мимо Кавессара, на солнце.

– Вот уже третий день не видно птиц, гиазир. Но вчера, после того как мы разбили лагерь и воины обносили его частоколом, я предпринял конную прогулку в тот лес, – Кавессар указал рукой на север, – и видел... Под деревьями лежали птицы... Маленькие обугленные птицы... Кажется, перепела...

– Кто-нибудь, кроме тебя, видел их? – спросил Элиен, привыкший в первую очередь заботиться о том, чтобы в войске был порядок и чтобы его военачальникам поменьше думалось о птицах, а побольше – о службе, дозорах и фураже.

– Нет, гиазир. Я был один. И вы – первый, кому я рассказал об этом.

Элиен помолчал.

– Правильно, – сказал Элиен наконец. – Правильно. Что еще тревожит тебя, достойный Кавессар?

– Мы прошли сорок, точнее, сорок два перехода, мы покинули клеверотравную Харрену, когда еще снега было на локоть, мы прошли земли таркитов, как стрела проходит сквозь утренний туман, мы видели согбенные спины покорных даллагов, мы переправились через Сагреалу, словно она была замощена отборным итским мрамором... Мы не знали ни трудов, ни забот. Больших трудов и больших забот, какие положены на долю солдата во дни настоящей войны...

– Так и должно быть, – нетерпеливо прервал его Элиен. – Так – и никак иначе. Кто в Сармонтазаре посмеет противиться могуществу союза свободных и равных городов Харрены? Разве найдется смертный, чья плоть вопиет по слепой ярости наших клинков? Разве после Ре-тарской войны сыщется хоть один, кто возжаждет узреть в открытом поле тысячу ликов солнца в кованых бронях нашего строя? Едва ли того хочется и герверитам. Выказав подлость к варанскому посольству, они оскорбили Варан. В их головах воеет гибельный ветер Бездны Края Мира и им ли думать о Братстве по Слову? Они не учли, что война Варана – война Харрены, достойный Кавессар. Отдай указания глашатаям, я хочу говорить со своим войском.

– Мой гиазир, осмелюсь ли сказать тебе еще?

– Осмелишься. – Элиену казалось, что Кавессар сейчас осушит его терпение до дна, как на празднествах Гаиллириса – пламя, что молниеносно испивает плоску конопляного масла, смешанного с серой.

– Нет ничего неизменного. Вино уходит в уксус, лед – в воду, человек – в землю. Могущество Харрены сотворено нашими отцами и отдано в наши руки для преумножения. Мы должны помнить об этом ежечасно: нет ничего неизменного.

Ответ Элиена был краток:

– Войско услышит и об этом.

По Уложениям Айланга каждый харренский лагерь в дни мира и войны обустраивается с одинаковой надежностью и в одинаковом порядке. На возвышенном месте стоит шатер верховного военачальника и шатры его приближенных, а прямо перед ними всегда оставляется площадь, достаточная, чтобы вместить выстроенное войско и чтобы еще оставалось место для публичных взысканий (как правило, в форме смертной казни) и поощрений (обычно для вручения почетных браслетов и оружия).

На этой площади по зову глашатаев собрались все, кроме конюхов, оруженосцев, обозных рабов и дозорных, что коротали ночь в небольших «гнездах» вдали от лагеря. Они имели право покинуть свои посты, лишь когда лагерь будет свернут и мимо них пройдут авангарды войска.

Элиен обвел взором восемьсот отборных панцирных конников Кавессара, полторы тысячи пехотных ветеранов-браслетоносцев, двенадцать тысяч рядовых латников, вспомогательные отряды таркитов с круглыми кожаными щитами и даллагских пращников. Особняком стояли грютские конные лучники, которых по Нелеотскому договору исправно присылала Асхар-Бергенна.

– Воины Харрены и союзники! Сегодня ночью Фратан послал мне сон. Огромная стая перепелов поднялась из леса и затмила солнце. Свет померк, побледнели травы, увял клевер. Но вот налетели огромные серебристые птицы и истребили перепелов своими стальными когтями, огнем и оглушительным криком. Достойный Кавессар поведал мне, что видел этих перепелов наяву – и вправду, они были обожжены и растерзаны неведомой силой. Мой сон был

вещим. Перепела, птицы лесные, – гервериты. Серебристые птицы – мы. Смерть пришла к Урайну в моем сне, смерть явилась к нему в образе перепелов, смерть постигнет его под Солнцем Предвечным наяву! Энно!

– Энно! – взревела панцирная конница.

– Энно! – вскричали ветераны.

– Энно! – пели тысячи глоток копьеносцев.

– Энно! – орали даллагы и таркиты за компанию, ибо это такие народы, что их хлебом не корми, гортело не подноси, а дай только изойтись в любом воинском крике. Гесир Элин изволил сказать что-то приятное своим железнобоким, а нам отчего не радоваться? Платят исправно, кормят по-доброму, а в Варнаге, глядишь, найдем себе милых герверитских дев. Будь здоров, гесир Элин.

Не разделявший всеобщего восторга грютский уллар Фарамма, поглаживая коня по умной морде, прошептал:

– Будьте милостивы ко мне, чужие земли. Внемлите чужим заклинаниям. Энно.

Дождавшись, когда шум утихнет, Элиен продолжил:

– Нам осталось идти меньше, чем мы уже прошли, а год поворачивается к лету. Сейчас мы вступаем в земли ивлов, к которым призываю отнестись как к друзьям и союзникам харренского народа, ибо к ивлам нет у нас ни вражды, ни притязаний. В деревнях платить за все звонкой монетой, о женщинах даже и не думать! У ивлов полно дурных болезней, от которых ваши черены распухнут и будут смердеть, словно падаль. У кого лекарь такую болезнь найдет – тому сто плетей и вечный позор. Через десять переходов мы встретим герверитов и вот тогда каждому найдется дело по душе. В их землях вам будет позволено все. И да будет наш путь легок, как бег косули, а мечи тяжелы, как небесная твердь!

Войско опять взревело.

Элиен прохаживался взад-вперед и ничего, кроме спокойствия, уверенности и боевого азарта, не смог прочесть Кавессар на его лице.

«Видел ли Элиен сон? И если видел, толкует ли его верно, или лжет ему Фратан?»

Ответам на вопросы Кавессара суждено было прийти совсем скоро. Быстрее, чем искушенному игроку в Хаместир построить первую пробную Тиару.

* * *

Этой ночью Элиену действительно был сон. Сон в объятиях прекрасной черноволосой девы по имени Гаэт. Ее губы были полны, словно перезревшие сливы, ее груди были белы и мягки, словно бока новорожденного ягненка. Лицом и грацией она походила на олененка – такая же неуловимая, трогательная и верткая.

Ее звали Гаэт, но Элиен узнал ее имя отнюдь не сразу. Поначалу ему было вовсе не интересно знать имя простолюдинки, истошно кричащей «отпустите!» на окраине лагеря.

– Это герверитская девка, гесир, – объяснил подошедшему на крик полководцу косматый даллаг, лучше других изъясняющийся на харренском. – Она подглядывает за нами из кустов. Я по глазу ее вижу, гесир, что она злая или гадалка. Посмотрите сами!

Элиена мучила бессонница, которая нередко донимает людей перед неотвратимыми и судьбоносными событиями, а чаще всего перед сражениями, и потому он снизошел до того, чтобы взглянуть на шпионку герверитов.

– Вот посмотри, гесир, – сказал второй даллаг и весьма грубо подтащил упиравшуюся деву поближе к пламени костра. – Герверитская морда!

К величайшему изумлению Элиена, девушка была приятна лицом, изящна станом и вовсе не напоминала привыкшую к лесным просторам дикарку. Волосы ее были острижены сравни-

тельно коротко, как это принято у просвещенных народов, и лишь некоторые пряди заплетены косицами.

Ее платье было хотя и бедным, но вовсе не грязным, пальцы – длинные, а на одном из тонких запястий Элиен смог разглядеть искусной работы браслет из черных камней, нанизанных на кольцо из тусклой металлической проволоки. Такие браслеты носили, насколько он знал, жительницы утонченного Ита.

Итак, пойманная дева представляла собой в прошлом ухоженное существо, волей немилосердной судьбы занесенное сюда, в лагерь харренских рубак, жадных до женской ласки не менее, чем до кровавого дела. Одно оставалось неясным. Что этот милый молоденький олененок делает в ореховых зарослях, окружающих лагерь в полночный час?

– Ты и впрямь шпионишь за нами? – в шутку поинтересовался Элиен.

Он был уверен в том, что останется непонятым. В этих землях немногим ведом язык просвещенной Харрены. Он задал вопрос лишь затем, чтобы услышать голос девушки.

– Нет, гиазир.

Ответ был чересчур лаконичен для лжи. И прозвучал на неплохом харренском языке южной границы. Так говорят в Таргоне.

– Да врет она, гесир Элин; она тут лазила по кустам что твой еж, с самого ужина, пока мы ее не поймали, – перебил девушку косматый даллаг.

Элиен не слушал его. Любуясь живописными формами пойманной красавицы, он думал о том, сколь мало на свете женщин, обладающих столь же ослепительным совершенством форм.

Он думал о том, что среди харренских красавиц, которых ему суждено было узнать близко и не слишком близко, едва ли сыщется хотя бы одна, способная во всем блеске топазов и речного жемчуга, во всей пленительности колыханий атласа и парчи затмить пойманную в стылых кустах близ спящего военного лагеря девушку, на которой лишь грубое льняное платье и плащ на собачьем подбое. Да еще – Элиен снова прикипел взглядом к браслету из черных камней – незатейливая поделка сельского ювелира.

– Пойдем со мной. Разберемся что к чему, – неожиданно для самого себя сказал Элиен.

Даллаги проводили своего полководца и его покорную пленницу завистливыми взглядами. Каждый из них страстно мечтал в этот момент превратиться в невесомый ветерок и прокрасться за ними вслед – туда, где изукрашенный знаками победы шатер полководца.

Элиен зажег масляные лампы и усадил пленницу на толстые аспадские ковры. Налил ей теплого вина и, стараясь быть настолько дружелюбным, насколько позволяло его положение первого среди равных, начал расспросы.

Девушка уверяла, что родилась в Ите, в семье торговца театральными куклами. Месяц назад в Ите случилось землетрясение. «Вполне похоже на правду», – подумал Элиен, вспоминая «Земли и народы».

Вместе с землетрясением поднялась вода в озере Сигелло. Когда вода ушла, она обнаружила среди руин своего дома вот это (девушка доверчиво вытянула руку с браслетом, словно бы раньше Элиен его не замечал). Она надела браслет.

С этого момента девушка ничего толком объяснить не могла. Чувствовалось лишь, что события последнего месяца сильно надломили ее жизнерадостный нрав. Тем не менее, осушив до дна два кубка нежного аютского, она заметно повеселела.

При свете ламп Элиен нашел гостью еще более привлекательной, чем у костра на окраине лагеря. Ее щеки были смуглы, руки длинные и тонкие. В чертах ее лица было что-то детское и шаловливое. Элиен не без оснований считал себя знатоком женских прелестей, но и он не мог найти в гостье ни малейшего изъяна. Даже ее речь – речь девушки, принадлежащей к сословию ремесленников, – отличалась завидной правильностью и была певучей, завораживающей.

Он налил гостье аютского и накинул ей на плечи палантин из медвежьих шкур, служивший ему покрывалом. Разговор иссяк так же быстро, как и начался. Однако гостья, похоже, не чувствовала себя смущенной. Девушка облизнула свои соблазнительные губы и, встретив взгляд приютившего ее Элиена, сказала:

– Милостивый гиазир, мы, кажется, оба знаем, зачем я здесь.

В ее словах чувствовалась какая-то глубинная, подлинная правда. Сын Тремгора поцеловал темноволосую и смуглокожую красавицу в смелый вырез ее льняного платья.

В ней не было ни жеманной похотливости придворной дамы, отдающейся конюху в каморке под лестницей, ни фальши девушки из постоялого двора, обслуживающего пятого за вечер клиента. Она была естественна словно сама жизнь и неистощима в изысканных ласках. Руки Гаэт скользили по телу Элиена, как две лодки по незамутненной рябью глади горного озера.

– Ты зарабатываешь любовью? – спросил Элиен, когда последний вздох угасающей страсти слетел с его онемевших от восторга уст. Ему претило ханжество.

– А ты зарабатываешь любовью? – Гостья загадочно усмехнулась, преклоняя свою аккуратную головку на мускулистом плече Элиена.

Сын Тремгора вздохнул полной грудью. От девушки пахло хвоей и дорожной пылью, но этот запах был ему приятней, чем баснословно дорогие духи самой изысканной куртизанки Харрены, сиятельной Аммо. В самом деле, девушка, которая сейчас ласкала его живот пряными губами, была прекрасна. Олененок. Ничего не скажешь, отличную добычу изловили даллаги в кустах орешника.

– Ты можешь попросить у меня все, что хочешь, – сказал Элиен, когда гостья стала опускаться вниз, обводя своим пытливым языком впадину его пупка.

– Тебя. Тысячу раз тебя, – шепотом отвечала девушка, на мгновение прервав свое нисхождение к стержню бытия.

Элиен, с самого утра не покидавший седла, ощутил небывалый подъем жизненной силы. Война с герверитами растворилась в неге. На мгновение в мозгу мелькнула кощунственная мысль, что на любовь этой девушки он готов променять даже победу.

В тот момент в его мире существовала только гостья. И он наслаждался этим миром. Он ласкал ее без усталости и принуждения. Он любил ее так страстно и горячо, как только был способен. И когда его лицо в третий раз нашло себе приют среди упругих грудей новой подруги, он подумал о том, что все плотские радости, которые были испытаны им прежде, ничто по сравнению с бесстыдными ласками гостьи.

Занимался рассвет. Девушка спала, уткнувшись губами в его правое бедро. Ее рука лежала на груди Элиена – нечаянно обретенный дар судьбы! На тонком смуглом запястье по-прежнему красовалась низка массивных черных камней.

Элиен долго разглядывал его, всматриваясь в непроницаемую черноту сердолика. Девушка грустно вздохнула во сне. И тут Элиену пришло в голову, что он до сих пор не удостоился узнать, как зовут этого трогательного, не знающего стыда олененка.

– Мне имя Гаэт, – прошептали сонные губы девушки.

Элиен поцеловал ее лебединую шею и неожиданно погрузился в сон, который был недолог, тревожен, полон серебра и багрянца.

Палатки были сложены и навьючены на ослов. Сытые кони готовились нести седоков на юго-запад весь день. Метательные машины были разобраны, сняты с лагерного вала и розданы выносливым носильщикам. Трубы подали будоражащий переливистый сигнал.

«Выступаем!»

Элиен, как и подобает первому среди равных, был уже в седле, на западной окраине лагеря, готовясь возглавить походную колонну. Рядом с ним томилась от нетерпения лошадь хмурого Кавессара.

Вдруг в ровный успокаивающий гул харренского войска, сложенный из ободряющего крика сотников, конского храпа, тупого постукивания заброшенных за плечи щитов, вплеся чуждый звук. Он возник из пустоты и был слишком слаб, чтобы его могли услышать люди.

Так переговариваются нетопыри в пещерах Хелтанских гор и рыбы в пучинах моря Фахо. Никто не мог понять, откуда взялась щемящая сердце тоска, отчего даллагские псы разом вздрогнули и прижали уши, отчего легла на рукоять меча ладонь Фараммы.

Элиен ощутил не ведомую ему ранее тревогу. Кусты в двухстах шагах от него расступились. Он увидел человека в изорванной и окровавленной одежде, по которой в нем можно было признать даллага.

Человек шел прямо на Элиена. Чувствуя, как тревога растет и крепнет, сын Тремгора поскакал к нему. Кавессар последовал за ним.

Еще издалека Элиена подмывало закричать «Что?! Что случилось?!», но он сдержал свой порыв, ведь не подобает мужчине ударяться в крик по любому мелочному поводу; может, даллага искушал рой диких пчел, а он сдуру ударился бежать по кустам, хотя какие сейчас пчелы и какой даллаг станет их дразнить?

В пяти шагах от даллага Элиен сдержал коня. Остановился и даллаг.

Порыв ветра – и лицо даллага, прежде скрытое длинными свалывшимися прядями, открылось Элиену. Белое, окостеневшее, лишенное выражения... лицо мертвеца.

Синие губы разлепились и раздались глухие слова на харренском наречии Ласарского побережья, которые сроду не способна породить грубая даллагская глотка:

– Я, Октанг Урайн, Длань, Уста и Чресла Хуммера, говорю с Элиеном, сыном Тремгора, достойным моей судьбы и судьбы своего Брата по Слову. Иди ко мне, оставь обреченных, иди. Нет в мире власти помимо моей, нет иной мощи. Я, властелин небес, вложу в твои руки оружие властелина земель, брату же твоему положу молот властелина морей, как и подобает рожденному в Варане. Приди и возьми свое, сын Тремгора, и в прах падут перед тобой стены Тардера, склонят колени Сыны Степей, тень твою умастят благовонной амидой люди Юга. Вся Сармонтазара, от Када до Магдорна, ляжет под тобой яровой телкой и вечность станет одним мановением твоего ока. Иди сейчас, ибо терпение мое короче моих слов.

– Дерьмо, – ответил Элиен и вытащил меч из ножен.

Разрубленное от левой ключицы до правого подвздошья тело даллага повалилось ниц. На его спине, около левой лопатки, зияла обугленная дыра в обрамлении черных потеков запекшейся крови. У даллага было выжжено сердце.

– Он не в меру болтлив для мертвеца, – угрюмо сказал Кавессар. – Вот уже тридцать лет, как мертвые молчат, предоставив говорить живым. Но сегодня, похоже, тридцатилетие мира без магии истекло.

– Дерьмо, – весело повторил Элиен. – Дешевка, не стоящая и двух авров. Урайн – дешевая Хуммерова шлюха! – задорно, по-мальчишески прокричал Элиен небесам. Сын Тремгора был еще очень и очень молод.

Кавессар не ответил, потому что в кустарнике, доселе пустом и безжизненном, он скорее почувствовал, нежели увидел движение. Движения было много. Спустя несколько мгновений стала ясна его причина: к лагерю приближалось множество вооруженных людей, и люди эти были... – Кавессар напряг зрение, пытаясь разглядеть детали их одежды и снаряжения сквозь сетку веток, на которых полыхало нежное пламя свежей листвы, – ...герверитами.

Это их шлемы, покрытые верхней половиной оленьего черепа с кустистыми рогами. Это их копья с наконечниками такой длины и ширины, будто на древки насажены старинные бронзовые мечи аурт-грютов. Это их мягкие шаги, мягкая повадка лесных охотников.

Теперь их увидел и Элиен. Он был изумлен: гервериты никогда не покидали сени своих исполинских вязов, где их суеверный покой оберегал Великий Герва. Герверит подле Сагреалы – все равно что рыба посреди пустыни Легередан. Это *ramgor* – чудо, ниспровергающее рассудок, чудо, вселяющее безумие.

Гервериты были варварами, но не глупцами. Об этом в «Землях и народах» красным по желтому написано, об этом любой ивл знает. Ивлы, которых, кстати, вот уж никак нельзя было назвать слабаками, не могли без боя пропустить через свою страну герверитов.

Тяжек молот Права Народов. А в последние тридцать лет Право Народов – Право Харрены, и никто без соизволения харренского сотинальма, Мудрого Пса Эллата, не властен пропускать чужаков через свои земли.

– Нам надо быть с войском, гиазир, – деликатно напомнил Кавессар.

– А войску – с нами, – кивнул Элиен.

Они повернули коней и Элиен добавил:

– Каждый имеет право умереть как ему заблагорассудится. Гервериты пожелали умереть здесь, подле Сагреалы.

Солдаты выстроились быстро и в образцовом порядке.

Тяжелая пехота стала в двенадцать длинных шеренг, припав на одно колено и уперев в землю свои «башни» – высокие, в две трети человеческого роста прямоугольные щиты из мореного дуба, обшитые медными полосами и увенчанные полусферическими наверхиями-умбонами. Копья пехотинцев до поры до времени смотрели в небо, мечи дремали в ножнах.

За их спинами выстроился отряд быстроногих таркитов и верховые грюты, а перед ними рассыпались даллагы с пращами.

На левом крыле Элиен поставил конницу Кавессара. На правом – браслетоносную гвардию. Сам Элиен вместе с трубачами, посыльными и Славным Знаменем держался в центре, за панцирным строем, рядом с грютами.

Метательными машинами, споро и ловко собранными, Элиен приказал усилить гвардию. Восемь легких стрелометов радовали глаз скорпионовой грацией. Дело было за малым – взмахнуть рукой и расплющить противника таранным ударом сомкнутого строя.

Гервериты вот уже второй раз за день удивили Элиена. Оценив на глаз протяженность и глубину их рядов, он никак не смог насчитать свыше девяти тысяч. Помимо внушительных копий, боевых топоров и деревянных щитов, грубо разрисованных головами неведомых хищных птиц и кое-где изображением белой чаши, Элиен ничего достойного внимания не приметил.

Вот разве только язвила глаз небывалая для варваров стройность рядов. Словно гадальные кости в ларце, гервериты стояли почти идеально правильным прямоугольником. Но, несмотря на это, они во всем уступали войскам Союза: и в числе, и в вооружении, и – это Элиен выпитал с молоком матери – в доблести.

Единственная доблесть, которая оставалась герверитам, – достойная смерть. Но это-то и удивляло, причем самым неприятным образом. Неужели пришлецы из Земли Вязов действительно согласны с тем, что их удел – смерть у берегов чужой Сагреалы?

Элиен ждал подвоха, ждал его со стороны леса и недаром поставил там своих лучших солдат вместе со стрелометами. В победе он, впрочем, не сомневался, а встреча с болтливым мертвецом представлялась скорее забавной, нежели страшной. Не каждый день тебе предлагают всю Сармонтазару от Када до Магдорна в качестве яровой телки.

Элиен решил отказаться от разминки конницей и легкой пехотой. Герверитов надо давить сразу – большего они не заслуживают. К чему тратить лишнее время и лишних людей, даже если эти люди – даллагы и таркиты?

– Подавайте тяжелой пехоте «наступление бегом», – приказал Элиен трубачам.

Яростно-хриплые и одновременно пронзительные звуки харренских длинных труб подняли пехоту в полный рост. Оторвались от земли «башни». Юркие даллагы в первый раз разрядили пращи и поспешили вперед – озорничать и кривляться перед герверитским строем.

Единым слитным движением опустили копыта первых шести шеренг. В каждой сотне тяжелых пехотинцев был свой барабан, способный вместить четыре ведра браги и оттого называвшийся «большим бражником». Сто двадцать «бражников» начали отбивать ритм мерных шагов.

Страшный гул харренских барабанов сам по себе уже мог заставить разбежаться любую толпу дикарей. Элиен вознес хвалу Гаиллирису, что рожден северянином, а не герверитом, ибо лесным варварам сейчас суждено получить жестокий урок от весьма просвещенных учителей.

«Бражники» участвовали в бою. Пехота ускоряла шаги, почти уже срываясь на бег. Элиен в сопровождении грютов и таркитов последовал за ними, вверяя свой рассудок пьянящему предвкушению сечи.

Даллагы в последний раз осыпали герверитов камнями и разбежались на фланги.

«Бражники» перешли на частую трескучую дробь. На расстоянии в полсотни шагов пехота взревела «энно!» и бросилась на герверитов бегом, сохраняя образцовую нерушимость строя.

Нет ничего неизменного. Вино уходит в уксус, лед – в воду, человек – в землю.

Первые ряды герверитов, не смущаясь, показали харренской пехоте спину и стремительно отступили, обнажив невиданное зрелище: стену из цельножелезных поясных щитов. Из-за этой стены практически в упор по тяжеловооруженным ударили подозрительно короткие луки, толком разглядеть которые было непросто.

Короткие массивные стрелы скрывали в себе, похоже, страшную пробивную силу, потому что первая шеренга харренской пехоты рухнула, как подкошенная. Рухнула почти в полном составе; строй мгновенно сломался.

Элиену некогда было раздумывать над устройством нового оружия герверитов. Некогда было строить догадки, откуда оно взялось и какие бедствия сулит в будущем. Было совершенно ясно одно: стоит помедлить под обстрелом – и после двадцатого залпа от его армии останется менее, чем ничто.

Отступать значило погубить армию. Стоять на месте значило погубить армию. Оставалось как можно быстрее добраться до совсем близких врагов и забить им в глотки их поганые луки-коротышки.

– Повторить пехоте приказ «наступление бегом», да погромче! Подать сигнал коннице и гвардии! То же самое, «наступление бегом»!

– Фарамма! – Это уже к грюту, который озабоченно следил за передним краем. – Направляйтесь со своими к Кавессару и помогите ему. Цельте только в стрелков. Пехоту растопчем сами. А ты, – бросил Элиен Сфорку, начальнику над вспомогательной пехотой, таркитами и даллагами, – веди своих к гвардии, займи ее место и наблюдай за лесом.

Пехота все-таки добежала до герверитских стрелков, добежала по трупам своих и, озверевшая, мгновенно взломала железную стену невиданных щитов.

В то же время на фланги герверитов обрушилась кавалерия Кавессара, грютские стрелы и гвардия.

Элиен не был трусом. Более всего ему сейчас хотелось крушить налево и направо уродливые герверитские шлемы. Но, как учил Эллат, «хорошо, если военачальник зарубит несколько неприятелей в пример своему воинству; но плохо, очень плохо, если несколько неприятелей зарубят его – тогда гибель многих из-за смерти одного неизбежна».

Элиен, оставшийся позади своих рядов, с наслаждением наблюдал, как гервериты уступают натиску вышколенной харренской армии. Как один за другим падают шесты с полотня-

ными листьями вяза – герверитские знамена. И только Октанга Урайна Элиен не мог высмотреть нигде.

Где прячется и что себе думает этот выскочка? Где, в конце концов, его доморощенная военная хитрость? Какие-нибудь облепленные смолой и соломой горящие свиньи, что бегут с визгом из того паршивого леска, или пятьсот колдунов-недоучек, переодетых Воинством Хуммера? Чего еще ждет этот ублюдок?

Когда казалось, что гервериты уже полностью сломлены и вот-вот ударятся в повальное бегство, любопытство Элиена было удовлетворено. Тот неслышный доселе звук, который будил необъяснимое беспокойство еще до начала битвы, набрал силу и теперь его слышали все.

Так не кричит птица, не рычит зверь, не стонет человек – так, наверное, вопила Сармонтазара на Заре Дней, когда из ее чрева исторгались Хелтанские горы, Орис и море Фахо. Копье Кавессара, на котором только что поселился невезучий герверит, не выдержало тяжести неприятельского тела и сломалось. В пальцах Фараммы лопнула натянутая тетива.

Гервериты дружно подхватили этот нечеловеческий рев и запели. Мир изменялся.

Лес полыхнул прозрачным серебристым пламенем и между деревьями появились *они*. Элиен понял, что наступил решающий час. Подгоняя перепуганного коня, который все норовил своротить вправо, к Сагреале, он помчался на правый фланг, где застыла в нерешительности вспомогательная пехота.

Теперь он начал понимать истинное значение своего сна. Из леса выходили, точнее, вытекали – словно бы струились в нескольких пальцах от земли – невиданные существа. И это были отнюдь не пятьсот колдунов-недоучек, переодетых Воинством Хуммера. Это было само Воинство Хуммера.

Люди? Птицы?

Их головы напоминали человеческие, но носы были ближе по форме к клювам и, видимо, заменяли им заодно и рты, которых не было. Глаз этих тварей Элиен не увидел. Не то шлемы с прорезями, не то костяные наросты, увенчанные ровным гребнем из перьев, скрывали все подробности.

Тела исчадий Хуммера были сплошь покрыты крохотными серебряными чешуйками. Ноги сгибались в коленях не вперед, а назад, и вместо ступней имели огромные когтистые лапы, руки же были в точности человеческими. Последнее показалось сыну Тремгора особо омерзительным. В довершение всего существа были наделены вполне человеческими признаками пола и, судя по таковым, все сплошь являлись мужчинами.

Существа не несли щитов, но были вооружены мечами и мечи эти не были порождением кузнеца-человека. Более всего они походили на тонкие и узкие осколки морского льда – темные, зеленовато-голубые, изогнутые серпообразно. Существ было около шести сотен – это Элиен отметил про себя совершенно машинально, как и любой военачальник с опытным глазом.

Они вышли и выстроились напротив оробевших таркитов, не прекращая, а лишь усиливая и усиливая до нестерпимой мощи свой боевой крик; казалось, в уши ввинчиваются граненые рубины, а в сердце ледяной острой входит Коготь Хуммера.

Но самым страшным оказался не крик.

Самое страшное началось, когда они прыгнули – все разом, прямо с того места, где стояли, без разбега, с расстояния около пятнадцати шагов. Мало кто из таркитов успел выставить меч или закрыться щитом... Но каждый из тех, кто все-таки успел, перед смертью видел, как раскалывались, разлетались на мельчайшие осколки мечи при соприкосновении с серебристой чешуей чудовищ, в то время как их мечи-серпы с легкостью вспарывали и кожу щитов, и кожу людей. Края ран вспыхивали прозрачным пламенем и быстро обугливались, но кровь отнюдь не сворачивалась и хлестала вовсю.

Ни таркиты, ни даллагы не смогли дать чудовищам достойного отпора. Да и какой отпор может быть, милостивый гиазир, если оружие в ваших руках становится хрупким словно весенняя сосулька?

Не помня себя, Элиен бросился вперед, хотя каждая частица его существа жаждала бегства.

Он оказался рядом с одним из врагов, усевшимся сверху на зарубленного только что таркита и выпарапывавшим ему сердце. Невзирая на участь, которая постигла дрянные таркитские мечи, сын Тремгора нанес удар. Он вложил в него такую силу, какую только могли породить гнев и отчаяние.

Меч опустил поперек перьевого гребня твари. Его противник рухнул на свою жертву, а оружие в руках сына Тремгора взяло торжествующую звенящую ноту. Перед Элиеном блеснул луч надежды.

Птичечеловек, впрочем, был скорее оглушен, чем убит. Он шевельнулся, рука вслепую зашарила по траве в поисках утерянного меча.

Оглушить шесть сотен противников Элиен мог едва ли. Уже с первого удара он сильно ушиб кисть, а после десятого она обещала повиснуть плетью вдоль тела. Зато птичечеловеки уделили ему достаточно внимания. Сразу два десятка уродов оказались рядом с ним.

О бегстве Элиен не думал. Он приготовился принять достойную сына Тремгора смерть на берегах Сагреалы. Но смертным не дано зреть витийство Нитей Лаги, как не дано пламени питаться водой.

Из-за спины Элиена на его врагов обрушилось множество стрел. Поражая их в лицо, в руки, в чресла, они едва ли причиняли им ощутимый вред и разлетались на куски, но их было так много, что существа замешкались и это спасло Элиену жизнь.

– Мой гиазир, – услышал сын Тремгора знакомый голос с глухим грютским акцентом, – уходи отсюда, уходи во имя своей страны и всей Сармонтазары.

Рядом с Элиеном гарцевал Фарамма. Лук его обзавелся новой тетивой, а лицо – новыми ранами. «Добрались герверитские копыта и до нашего мудреца», – подумал Элиен.

Фарамма среди прочих военачальников слыл за большого умника. В основном потому, что на военных советах предпочитал молчать, а в пору самых горячих споров – загадочно улыбаться.

– Уллар Фарамма, кто разрешил тебе нарушить мой последний приказ? Почему ты и твои люди не на левом фланге?

– Забудь об Уложениях Айланга, скоро некому будет им подчиняться, – спокойно сказал Фарамма, между делом запуская стрелу в ближайшего урода. – Эти твари везде, нет ни левого фланга, ни центра. Не с тем оружием пришли мы сюда.

В этот момент на Фарамму обрушилась серебристая молния и он полетел с лошади, подминаемый чудовищем.

Элиен пытался ему помочь, но морду его коня располосовал удар Когтя Хуммера, а на него самого, как только что на Фарамму, налетел другой нелюдь. Через мгновение Элиен уже лежал на земле, а над ним склонилось лицо (лицо? о, милостивый гиазир, с таким личиком едва ли имеет смысл надеяться на благорасположенность милых девушек!) невиданного врага.

Нелюдь почему-то медлил. Элиен уже успел привыкнуть к той завораживающей быстроте, с которой перемещаются и орудуют мечами враги, и не мог понять, почему он еще жив.

Лысое яйцо с клювом и гребнем, заменявшее Воину Хуммера голову, вдруг растрескалось – и впрямь, как яйцо, – и ледяное тело, прижимавшее Элиена к земле, отлетело в сторону.

Довольный Кавессар поцеловал внушительных размеров шестопер и, соскочив с коня, помог Элиену подняться.

– Помнишь, Кузнец Гаиллириса, свое первое творение? – спросил Яростный Телец, тяжело дыша.

Элиен помнил. В шестнадцать лет он, вступая в сан, едва не до икоты обпился Медом Поэзии и двенадцать часов кряду надсаживал глотку в стенах храмовой кузницы. Именно тогда он собственноручно выковал эти шесть стальных перьев, каждое в четыре ладони, и, разумеется, не смог убить своим изобретением даже мухи, оттого что ему оказалось не по силам оторвать от земли недетскую голову шестопера. Ему, но не могучему Кавессару.

Нашелся наконец камень и на Косу Хуммера.

– Ты убил его, – удовлетворенно сказал Элиен, глядя, как тело врага устремляется к небу стаей вертких зимородков.

Неподалеку лежал мертвый Фарамма, встретивший свою смерть печальной улыбкой. Грют, сын грюта, Сын Степей.

– Не уверен, – мрачно заметил Кавессар. – Но даже если и убил – что с того? Мои люди вырезаны, почти все люди вырезаны. Беги, мой гиазир. Я отдам им свою жизнь вместо твоей, пока есть еще что отдавать.

– Нет. Варанский флотоводец встречает смерть вместе со своим кораблем, я же хочу погибнуть со своими солдатами.

– Как знаешь, – сказал Кавессар, вскрывая перстень на безымянном пальце.

Камень глубокого синего цвета откинулся в сторону на миниатюрной золотой оси, открывая тайник в золотом углублении оправы. Не успел Элиен вспомнить, что носит Кавессар под камнем, как тот поднес перстень к губам, дунул – и облачко красной пыли окутало лицо первого среди равных. Туман Фратана.

Был это сон или не сон? Тело не слушалось его, но сквозь полуприкрытые глаза Элиен видел – или ему казалось, что он видит? – как Кавессар пел и вместе с ним пел его шестопер; как надсадно кричали Воины Хуммера и последние грюты; как кучка ветеранов-браслетоносцев, сбившись вокруг стрелометов, надеялась на то, что хотя бы четырехлоктевые оперенные жерди с гранеными наконечниками смогут пробить серебристую чешую – тщетно; как упало в кровавую траву Славное Знамя – ослабевшийся харренский пес; как бурлили воды Сагреалы и топтались перед ними, словно свиньи перед кипящими отрубями, Воины Хуммера.

Когда Элиен сбросил с себя Тенета Фратана, солнце уже клонилось к закату. Над головой покачивались голые ветви молодых дубов.

Он сидел, прислонившись к холодному стволу, и не чувствовал онемевших ног. Перед ним на корточках сидел Кавессар. Его лицо было бело, как утренний снег на ласарских дюнах.

– Слушай меня, Брат по Слову, – сказал он на чистейшем варанском наречии. – Слушай, пока не ушла моя власть над этим телом. Я, Шет окс Лагин, спас тебя, и это удалось только потому, что река за моей спиной носит имя Сагреалы...

Элиен покачивал головой в такт его словам, но рука уже нащупала рукоять меча под плащом – хвала Гаиллирису, он был там. Мертвец неожиданно перешел на харренский:

– ...да, Сагреалы, будь проклято это имя и имя породившего ее. Я, Длань, Уста и Чресла Хуммера, говорю с тобой...

Элиен так и думал. Не дожидаясь продолжения, он выхватил меч и, прокрутив его в великолепном «жернове», снес говорящую голову. Еще с утра она принадлежала Кавессару, а теперь извольте видеть, милостивый гиазир – уста и все такое Хуммера.

Обезглавленное тело медленно завалилось навзничь.

«Что я скажу, Кавессар, твоему отцу?» – горько подумал Элиен.

Сын Тремгора перевернул тело.

Да, он так и думал. Лучший в северных землях доспех был разодран, как пергамент. Края обугленных ребер. Изуродованные легкие. В чьих руках теперь твое сердце, Кавессар?

Когда на могилу Кавессара был положен последний ломоть дерна, Элиен поднялся с колен и, прошептав посмертное заклинание Гаиллириса, поцеловал свой меч. Он не чувствовал страха. Мерзкие птичечеловеки могли появиться в любой миг, но Элиен не думал о них.

Он помедлил еще немного и уже собрался тронуться в путь, как еловые лапы за его спиной расступились и слабый голос воззвал к нему. Элиен без страха обернулся – если б его хотели убить, это можно было бы сделать, не вдаваясь в беседы.

– Я шла по твоим следам, чтобы попрощаться, – сказала Гаэт.

Платье изодрано, на виске запеклась кровь. Ногти на длинных тонких пальцах сорваны, правое плечо рассечено. Остатки одежды насквозь мокры. Сквозь тонкую ткань белеет прекрасное тело.

«Жива! Она оказалась удачливее всех моих воинов – кажется, пока только ей одной удалось переплыть Сагреалу».

– Я не могу говорить долго. Я почти мертва...

Элиен не мог понять, какая из ее ран может служить поводом для разговоров о смерти. Все, что он видит перед собой, в общем-то царапины.

– Говори же!

– Я уйду в мир мертвых, но я не хочу расставаться с тобой.

Элиен обнял лебединую шею девушки и погладил ее волнистые цвета воронова крыла волосы.

– Не говори глупостей, Гаэт. Тебе нечего спешить в мир мертвых. Мы вместе вернемся в Харрену.

Бескровные, белые губы Гаэт казались запорошенными мелом. Ее дыхание было тяжелым и прерывистым. Каждое слово давалось ей с величайшим трудом.

– Не время думать о Харрене...

Гаэт сняла с руки браслет из черных камней и протянула его Элиену, знаком призвав его к молчанию.

– Возьми эту вещь. Если ты действительно хочешь, чтобы Гаэт пришла, надень браслет на запястье глянувшей тебе женщины. И Гаэт придет к тебе на всю ночь, такую же ночь, как та, что предвляла сегодняшний день. Исполненный смерти...

Элиен принял браслет и обнял девушку. Он целовал ее перепачканные глиной руки, окровавленные плечи. Он шептал ей слова, на которые, как полагал еще вчера, вообще не был способен. Он превозносил ее, он славил ее, он восхищался ею. Он закрыл глаза, прижавшись лицом к ее груди. Но он не услышал стука сердца.

Элиен посмотрел в ее искаженное мукой лицо. Глаза Гаэт были закрыты, уста безмолвны. Элиен отпрянул назад. Девушка упала к его ногам.

Сын Тремгора смотрел на нее, овеваемую ледяным ветром смерти, и не скоро понял, что же произошло.

В спине девушки торчал неприметный обломок стрелы, едва выступающий из-под кожи. Рана не была свежей. Кровь уже успела свернуться, образовав вокруг раны подобие земляного вала.

Сам не понимая зачем, Элиен попробовал вытащить стрелу, уцепившись за торчащий край древка. Пальцы соскальзывали и срывались. Из-под ногтей выступила кровь.

На бескровное лицо той, что звалась Гаэт, упала слеза.

Погони все не было.

Пути Звезднорожденных

Большое Междуречье, Варнаг

Великая Мать Тайа-Ароан озарила его рождение, но тогда он не знал этого.

Детство он провел в темной лачуге, прилепившейся к варнагским тесаным стенам. Он помогал отцу-старьевщику разыскивать и починять всякую рухлядь. Они подолгу скитались по лесам, которыми сплошь покрыто Большое Междуречье, не брезгуя ни одной находкой, а потом возвращались в свою лачугу и разбирались с добычей.

Заржавленные шишаки, отысканные среди болот, редко возвращались к былой молодости. Битые горшки, даже и склеенные рыбьим клеем, протекали и мерзко смердели. За украденную из древнего кургана золотую сережку могли утопить по обвинению в колдовстве.

Впрочем, золотые серьги в курганах, похоже, давно перевелись, ожерелье или диковинный кривой меч разыскать удавалось редко, а за горшки платили смехотворные гроши. К тому же какой-нибудь веселый вельможа из царского дворца мог спьяну расколотить уродливый горшок на голове незадачливого торговца. А потом отец, злой и упитый вонючей брагой, колодил на голове сына все, что попадалось под руку.

Семью его соседи не любили, но побаивались. Его деда, Октанга Сарома, казнили как колдуна с нечистым глазом.

Обвинение было вполне доказательным. За умеренную мзду от мужа-ревнивца Саром мог погасить любовный пыл неверной жены, за десять золотых от торговца мехами напустить тьму моли в амбары конкурента, а за так, для своего удовольствия, приворожить к себе и без того податливую девицу.

Разжилось его семейство тогда вполне неплохо, множество незаконных детей Сарома разгуливало по всему Варнагу, а сам он сделал себе вполне законного наследника, Октанга Парса. Когда Парсу исполнилось одиннадцать лет, на Сарома наконец донес варанский вольный торговец, у которого в одну ночь напрочь выдохлись сто пятьдесят запечатанных бочек первосортного гортело. Саром с камнем на шее отправился кормить пиявок, его имущество конфисковали в пользу казны, но дурная слава осталась.

Парс вырос. Его жена родила сына, которому дали зловещее имя Урайн. Дела шли паршиво, а потом пошли совсем плохо.

Глава 2

Ласар

562 г., Пятый день месяца Белхаоль

Сын Тремгора спешил. Его прежний жеребец навеки остался на правом берегу Сагреалы, а этот, чудом спасшийся с поля боя, пристал к нему на следующий день после сражения.

Коня звали Крум, и он когда-то принадлежал Фарамме. Но грютский уллер погиб, защищая Элиена, и вот теперь его конь жестоким напоминанием о поражении вышагивает рядом.

Под покровом ночи, словно вор или опальный сановник, крался Элиен самыми темными улицами Ласара. Таков удел проигравших. Позор воровской ночи становится уделом всех, потерпевших поражение. Победители возвращаются домой в полдень, под бравурный грохот барабанов, окруженные всеобщим ликованием, чеканя шаг по рассыпям лепестков и серебряной мелочи, что вдосталь сыплется из триумфальных колесниц.

Элиен распахнул дверь капища Гаиллириса. Знакомые своды. Знакомые фрески на стенах. Жертенник. Темный силуэт у огня.

– Кто там? – встревоженный голос.

Элиен знал этот голос с младенчества. Сегэллак. Старший жрец Гаиллириса. Отец Кавесара. Хромой на одну ногу воин, поэт, мудрец.

Элиен хотел и не хотел встречи с ним. Презрение Сегэллака было ему тяжелее презрения целого города. Но Элиен все-таки пришел к нему. Он искал презрения.

Минута узнавания. Сегэллак молчит. Конечно, он обо всем знает. И о поражении, и о гибели войска. Но в его взгляде нет осуждения. Только сострадание и твердая решимость не склоняться перед судьбой. Таким бледным Элиен не видел его никогда.

На Сегэллаке были белые одеяния, в которых жрец проводил часы Ночного Бдения. Он поддерживал огонь перед жертенником. Он не спал.

– Убей меня, учитель. Я проиграл битву, – мертвым низким голосом сказал сын Тремгора.

Сегэллак неподвижен. Элиен подходит к нему и, преклонив колени, подает ему свой меч рукоятью вперед. С незапамятных времен в Харрене это означает одно: готовность принять смерть из рук наставника.

Сегэллак по-прежнему неподвижен.

– Нет, Элиен. Нет, – качает головой Сегэллак, отводя руку Элиена.

Он отворачивается к огню. Его лицо скорее напоминает маску скорби. В походе погиб его сын. Он сам погиб бы в этом походе, если бы не был столь стар. Жить остался Элиен, чье лицо в свете пламени похоже на другую маску – ту, что кладут в саркофаг вместе с мертвым.

– Садись. – Сегэллак указывает на ковры, разложенные подле жертенного огня.

Элиен послушен. Ученик послушен учителю, рассудок – воле, жертва – палачу. Элиен ждет смерти, которую он заслужил по праву.

– Род Акретов никогда не знал слабости. И ты, Элиен, не трус, – медленно и отчетливо, почти по слогам произносит Сегэллак. – Среди харренских воинов не было предателей и слабаков. Их не было и в твоём войске. А гервериты никогда не знали ратного искусства, а их цари не отваживались и близко подойти к Сагреале.

Элиен сдержанно кивнул и решил перебить своего учителя:

– И именно потому я не могу понять, откуда их воины набрались храбрости, откуда взялись у них такие мощные луки и, главное, – неуязвимые люди-птицы. Ты ведь не знаешь, учитель...

– Знаю, Элиен. Гаиллирис открыл мне случившееся в своем бесчувственном первопричинном пламени.

Взгляд Элиена утонул в оранжевых листьях огня. Впервые в жизни он задумался о смысле огненного служения и ощутил нечто вроде сожаления. Девять лет прошло с тех пор, как он стал помощником Сегэллака, младшим жрецом. Уже пять лет он – Белый Кузнец Гаиллириса.

Но все это время он не чувствовал огня, не понимал его стихии. Он был чересчур умен, чтобы верить, и относился к своим обязанностям, как к пустому ритуалу. Никогда он не видел в огне событий далеких и близких, никогда не получал знамений, и даже сон на Сагреале его гордыня истолковала превратно.

– Я видел, как ты спасся, и видел, как погиб мой сын, да произрастет стройной сосной семя его души в Святой Земле Грем! – продолжал Сегэллак. – Я видел все.

– Я больше не могу терпеть, Сегэллак. Убей меня.

Сегэллак убрал со лба седую прядь и положил руку на плечо Элиена.

– Если я убью тебя, – совсем тихо сказал Сегэллак, – Ураин будет доволен.

Конечно же, слова Сегэллака были истиной. Шет окс Лагин по-прежнему остается в плену у Октанга Урайна, гибель войска на Сагреале осталась неотмщенной, гервериты торжествуют победу, Харренский Союз посрамлен. Смерть Элиена ничего не исправит, только усугубит и без того тяжелое положение Харрены.

– А я не хочу, чтобы Ураин был доволен, – продолжал Сегэллак. Пламя жертвенника, приобретшее цвет облаков на закате, взметнулось к потолку, облобызав кедровые балки.

– Я не хочу, чтобы все было так. Я не хочу твоей смерти. Победа и поражение всегда идут рука об руку. Нельзя думать, что бывает одно без другого. Ты можешь победить!

Голос Сегэллака грохотал под сводами капища, невидимый ветер раздувал его длиннополые одеяния. Элиен встал и подошел к учителю, простирающему руку над жертвенным огнем.

– Что мне теперь делать? – тихо спросил Элиен.

Перед его мысленным взором проносились видения, смутно различимые сквозь Туман Фратана. Правый берег Сагреалы, усеянный трупами павших, кони со вспоротыми животами, обуглившиеся палатки, Славное Знамя в истоптанной траве. Набухшие почки, забрызганные кровью. Мертвец с выжженным сердцем, предлагающий ему власть над Сармонтазарой. Белые губы Гаэт.

– Ты пойдешь в Таргон, к Эллату. Расскажешь ему обо всем. Мудрый Пес Харрены поможет тебе.

С этими словами Сегэллак наклонился, поднял меч и подал его Элиену.

– Ты выковал его год назад. Даже черная сила, которой полны Воины Хуммера, не смогла сломить его. Верни его ножнам и иди. Ему не суждено обратиться против своего хозяина.

Сын Тремгора вышел из капища. У ворот его ждал неотступный Крум. Элиен с теплотой заглянул ему в глаза.

– Хорошая животиная, умная, – сказал он ласково. – А твой новый хозяин дурак. Умереть хотел. Кто б тебя после этого кормил, а?

Пути Звезднорожденных

571 г., Двадцать первый день месяца Белхаоль

В ласарском порту стоит неумолчный гомон. Только что в него вошли пять больших варанских галер и теперь они одна за другой швартуются у главного причала. Восторженные вопли чаек, грохот якорных цепей, скрип уключин.

С галер сходят степенные варанские воины и вместе с ними на причалы вырываются засидевшиеся за время путешествия мальчишки. Сотня отпрысков лучших семей со всего Варана вмиг захватывает причалы, улюлюкает, задирается друг к другу.

По заведенному обычаю к ним выходят представители всех городов Союза, выходит Кавессар, выходит почтенный Сегэллак и его воспитанники.

Двенадцатилетний Элиен среди них. Почти двенадцатилетний. Элиен знает – да, Сегэллак объяснял это тридцать три раза, – что Харрену и Варан связывают узы древнего родства, что много городов побережья были некогда основаны варанскими колонистами, что дружба двух народов и во дни мира, и во дни войны служит предметом зависти для всей Сармонтазары и что завтра будет положено начало новому поколению Братьев по Слову. Он знает все это, но сейчас варанцы для него – неведомые чужаки, а с чужаками надо держать ухо востро.

Элиен испытующе глядит на галдящую варанскую братию, на драконьи пасти галер, на непонятные надписи, выведенные вдоль их невысоких бортов. Три года учил своих воспитанников Сегэллак варанскому языку, теперь они немножко умеют болтать и несколько лучше – читать, но знакомые буквы на бортах галер не складываются в привычные слова.

От этих надписей веет тайнами седой древности, когда мир был исполнен магических сил и одним словом можно было остановить сотысячное войско. Но сейчас – так учил Элиена Сегэллак – все это ушло в прошлое и не вернется никогда.

Среди всех мальчиков выделяется один – более спокойный, более сдержанный, с таким же задумчивым и отрешенным взглядом, как и у самого Элиена. Вот, вот он – его достойный противник в завтрашних состязаниях.

Недолго думая и не спрашивая разрешения у своего учителя, Элиен подходит к нему и, с силой хлопнув по плечу, говорит, с трудом сочетая слова сложного варанского языка:

– Мое имя Элиен. Назови свое.

Тот исподлобья глядит на задиристого ласарца и наконец отвечает с расстановкой:

– Шет окс Лагин.

– Я запомню его завтра, – кивает Элиен и, страшно собой довольный – очень здорово он поговорил с этим варанским выскочкой! – возвращается к наставнику и остальным.

– Я вижу, ты уже разыскал своего Брата по Слову, – улыбается Сегэллак.

– Брата? – Элиен искренне удивлен. – Этот варанский поц станет моим братом?! Но ведь все решается жеребьевкой!

– Человеческая воля сильнее жребия. А за «поца», о змееязыкий Элиен, ты сегодня вечером десять лишних раз проведешь бой с моей тенью.

О ужас! В этот момент он жалеет, что не завязал с утра узлом свой непокорный язык.

571 г., Двадцать второй день месяца Белхаоль

Состязания удались на славу.

Они бежали традиционную дистанцию – вокруг стен ласарской цитадели, – и Элиен пришел вторым, а Шет окс Лагин первым, и с отставанием на добрых десять шагов за ними прибежали все остальные.

Они метали копья – и копьё Элиена на полнаконечника опередило копьё Шета окс Лагина, а далеко за ними воткнулись в землю сто девяносто восемь копий других участников состязаний.

Они переплывали ласарскую гавань – и только им двоим, Элиену и Шету окс Лагину, хватило сил достичь Маяка Айланга. Остальные сдались и их подобрали лодки зрителей состязаний. Трое упрямцев утонули.

Они были лучшими. Но двум победителям нет места на одних состязаниях. Поэтому им предстоял поединок, который решит все. Дрались при полном вооружении, которое каждый был волен выбирать себе сам. Элиен предпочел легкий таркитский меч для левой руки, длинный харренский – для правой. Шет окс Лагин – секиру на удлинённом древке и все.

Естественно, оружие было совершенно тупым, их тела надёжно защищались плотными кожаными доспехами с овчинным подбоем, на головах были шлемы с решетчатыми забралами. И все же это был настоящий бой. Помимо крепких ушибов, можно было заработать и перебитую ключицу, и сломанную ногу, и – если совсем уж не повезет – свернутую шею.

Правила были просты: делать что угодно, как если бы против тебя вышел заклятый враг. Проигрывает тот, кто признает чужую победу, подняв забрало, либо тот, кто хотя бы одной ногой выступит за пределы круга, в котором происходит поединок.

Они вошли в круг под одобрительный свист зрителей и стали друг напротив друга, крепко расставив ноги. Шет окс Лагин едва заметно улыбнулся Элиену уголком рта. Элиен ответил сдержанным поклоном.

Пропели сигнальные трубы. Опустились забрала. Энно.

Секира в руках окс Лагина оказалась страшным оружием. С виду более коренастый и более закрепощенный, чем Элиен, он имел невероятно подвижные и гибкие руки. Может быть, только наставник Элиена, Сегэллак, умел управляться с шестом столь же виртуозно.

Но Элиен тоже был кое на что способен. Ловко уклоняясь от гудящего бражником древка и посвистывающих полукружий металла, он искал слабины, чтобы подобраться к Шету поближе. Прежде чем ему это удалось, он получил по ногам так, что, не успей он, упавший, откатиться в сторону, быть ему оглушенным ударом по голове и вышвырнутым за пределы круга.

Вскоре Элиен ошибся еще раз, заработал прямой тычок в солнечное сплетение и был опрокинут на спину. Голова его оказалась за пределами круга. Но когда Шет окс Лагин вознамерился нанести ему удар в пах и тем самым окончательно подавить его волю к сопротивлению, сын Тремгора, молниеносно сделав стойку на голове, выпрыгнул из этого положения и, продолжая заваливаться вперед, ударил своего противника мечом в горло.

Безусловно, не будь оружие затупленным, варанец погиб бы мгновенно, но даже этого ему хватило, чтобы на время потерять дыхание. А без дыхания нет жизни, нет боя. Элиен подскочил к ошарашенному Шету вплотную, сорвал с него шлем и с победным кличем швырнул его к стопам своего наставника Сегэллака. Зрители ответили ему восторженным гулом.

Однако оказалось, что Элиен принес в жертву зрелищности свою победу. Потому что поднять свое забрало должен был Шет окс Лагин собственноручно – тогда ему сразу засчитали бы поражение.

Элиену все равно требовалось теперь выбить из варанца мольбу о пощаде. Но Шет не предоставил ему такой возможности.

Глотнувший свежего воздуха, Шет подсек ему ноги, опрокинул на землю и, взяв его голову в захват «корень сосны обживает скалистое побережье», прошипел:

– Сдавайся, северянин...

Элиен несколько раз предпринял отчаянные попытки освободиться, но они привели лишь к тому, что Шет сильным ударом ноги выбил у него меч и усилил хватку. Но сдаваться необузданный сын Тремгора все равно не собирался.

– Меня можно убить, но нельзя одолеть, – прохрипел он в ответ, охваченный самоубийственным упрямством. Уж очень хороши были слова Эррихпы Древнего!

– Сдавайся, иначе умрешь.

В глазах Элиена уже расплывались малиновые круги, в ушах гудели галерные колокола, но он продолжал упорствовать:

– Сдавайся ты, варанец.

Тогда Шет окс Лагин рассмеялся и отпустил Элиена.

– Сдаюсь, – сказал он, выходя за пределы круга.

Недоумевающие зрители притихли.

Сын Тремгора был признан победителем состязаний и увенчан вересковым венком. По правилам ему принадлежала честь самому выбрать себе Брата по Слову. За остальных должен был решать жребий.

Элиен, не колеблясь, указал на Шета окс Лагина.

566 г., Лето, Лон-Меар

Солнце только что рассеяло мглу над болотами, когда Ураин и его отец подошли вплотную к Сумеречному Лесу. Сумеречный Лес начинался там, где Орис и Киад близко подходят друг к другу и образуют Малое Междуречье, на языке герверитов – Лон-Меар.

Место это у герверитов считалось проклятым, и оно действительно было проклятым. Немногие отваживались войти в колеблющийся туман Лон-Меара и никому не случалось оттуда выйти. Только беспросветная нужда и обволакивающая мозг багрово-золотистым туманом алчность толкнули Парса в зыбкую пасть Лон-Меара.

Еще в молодости он слышал от одного болтливого северянина страшные и манящие рассказы о Малом Междуречье, которые тот якобы, в свою очередь, вычитал в каменных недрах Башни Оно. В Лон-Меаре, дескать, возвышался в незапамятные времена Град Того, Кого Хуммер Лишил Значений, а потом, как обычно, все небывалое могущество пало в прах и от него ничего не осталось.

Парс не верил ни в древние письмена в Башне, ни в существование самой Башни, ни уж тем более в Того, Кого И Так Далее, он вообще не верил ни во что, кроме денег, и именно поэтому все-таки решился сейчас, уже на склоне своих лет, идти в Лон-Меар. Что бы там ни был за Град, а золотишко-то в руинах, может, и разыщется.

Сумеречный Лес почти не отличался от обычного. Деревья. Трава. Но кругом стояла полная тишина, какой никогда не бывает в летнем лесу. Не считая этого, все было даже лучше, чем в предыдущие три дня, потому что болота кончились, и Парс с сыном ступили на твердую землю.

Они пошли вперед. Парс все время держался за рукоять длинного грютского кинжала, которому когда-то давно возвратил прежний блеск долгой и кропотливой возней с соком бузины, молоками налима и мелким просеянным песком. Ураин волок на себе всю путевую поклажу, недобро косился на отца, но почему-то совершенно не боялся. Тогда в нем впервые зародилось чувство, что он находится там, где должен, и делает то, во имя чего рожден.

В первый день им не повстречалось ничего интересного. Они шли и шли, а кругом был все тот же умиротворенный тишиной лес, под ногами была все та же трава, солнце неспешно совершало свой путь над их головами. С востока на запад.

Ночь прошла спокойно.

На второй день им тоже не открылось ничего интересного. Ничего, если не считать скелета, очень старого скелета. Одежда на костях давно истлела и только насквозь проржавленный полуторный меч в сгнивших ножнах выдавал в незнакомце человека из просвещенного народа, а не дикого лесного крикуна.

При нем не было ничего, способного удовлетворить алчность герверита. Сплюнув на лысый ощеренный череп, Парс бросил: «Идем».

Все было по-прежнему. Они шли с севера на юг, солнце – с востока на запад.

Ночь прошла спокойно, точно так же, как и следующие восемь ночей.

У Парса не было с собой карты, да и не существовало в мире карт Сумеречного Леса. Но он был опытным ходоком, много говорил с варанцами, плававшими по Киаду мимо Лон-Меара, и знал, что они уже давно должны были выйти к месту слияния Ориса с Киадом.

Давно – это три дневных перехода назад. Вода в их флягах закончилась, они собирали росу с листьев. Запасы пищи подходили к концу, а пожить в этом безжизненном лесу было решительно нечем. Здесь не было ни зверей, ни птиц, ни съедобных грибов, ни ягод – ничего.

На десятый день они набрали на очень старый скелет, одежда на котором давно истлела и только заржавленный контур полуторного меча в сгнивших ножнах выдавал в нем человека из просвещенного народа. На его черепе отвратительным желтоватым пятном засох чужой плевок.

Стояла изумительная ясная погода, свойственная венцу лета. Парс, воздев глаза к полуденному солнцу, хрипло прорычал:

– Когда-нибудь я доберусь до тебя, желтый обманщик, ведущий кругами! И тогда я сожру тебя, как лепешку с сыром!

Ураин неодобрительно нахмурился. «Старик совсем выжил из ума», – подумал он, косясь на рукоять грютского кинжала у пояса отца.

Пищи оставалось совсем немного. Доели последний ломоть вяленого мяса, закусили пригоршней сушеных ягод боярышника и снова пошли. На этот раз – на север, надеясь покинуть Сумеречный Лес прежде, чем голод превратит их тела в дряхлую ветошь.

Второй круг оказался значительно меньше первого. Заночевать им пришлось неподалеку от все того же истлевшего кладоискателя, пролежавшего в этом пустом лесу по меньшей мере пять столетий.

Очень хотелось пить, но воды не было ни капли. Царила невероятная сушь, и они удовлетворились тем, что пожевали горькие листья вязов.

Облегчения это не принесло. Они легли спать. Парс все еще не терял надежды выбраться из Лон-Меара, но его более дальновидный сын уже понимал, что Лес жаждет жертвы.

Во втором часу пополуночи, когда Парс тихонько подвывал во сне от мучивших его кошмаров, Ураин неслышной лаской подкрался к отцу, извлек из его ножен грютский кинжал и одним не лишенным изящества движением вспорол ему горло.

Ураин припал губами к свежей ране и пил кровь, пока не почувствовал, что голод и жажда отступили, сменившись сладким дурманом и приятным теплом, разлившимся по всем закоулкам его уставшего тела. Потом он заснул глубоким и безмятежным сном.

566 г., Пятый день месяца Эдар

Ураин вышел из Лон-Меара круглым сиротой. Но теперь он знал, в чем смысл его существования, он знал правду о своем избранничестве. Великая Мать Тайа-Ароан пометила его чело своей багровой печатью. Только благодаря этому он допущен к своему новому знанию и оставлен жить. Жить волею Хуммера и во имя воплощения воли Хуммера.

Из Лон-Меара вышел отнюдь не шестнадцатилетний подросток, еще не сбивший своей первой бороды. Сумеречную Черту переступил тридцатилетний человек в темно-пурпурном плаще.

Его единственное ухо украшала серьга с ярко-зеленым камнем. Он был перепоясан мечом в дорогах, но строгих ножнах из черненого серебра без резных украшений и камней. Его глаза, утратившие постоянство цвета, переливались всеми оттенками серого, зеленого и голубого. Временами в них проскальзывали сапфировые искры и росчерки потустороннего багрянца.

Второе ухо Урайн оставил в залог Хуммеру. Оно продолжало слышать, слышать древний язык, слова которого смертельно опасны для любого из живущих. Но чтобы самому заговорить на нем, Звезднорожденный должен постичь многое.

На раздавшихся вширь плечах Урайна болтались две переметные сумы. Урайн шел через подмерзшее болото, на его непокрытую голову падали первые колючие снежинки, но он не чувствовал холода, ибо отныне в его жилах бушевало ледяное пламя.

А другое, яркое и горячее пламя, в это время возносилось к небесам над капищем Гаил-лириса в Ласаре. Второй Звезднорожденный поклонился старшему жрецу и, приняв из его рук кубок, полный до краев Медом Поэзии, испил веселящий напиток до последней капли.

Глава 3

Эллат

562 г., Тринадцатый день месяца Белхаоль

Эллат был фигурой легендарной. За три десятка лет, которые успели пройти со времен битвы на Истаргеринимских холмах, об Эллате успели сочинить много разного и никто не брался отделить правду от лжи. Даже отец Элиена, знавший Эллата лично, никогда не рассказывал о нем. А когда начинали говорить другие, замолкал, хмурился и под любым предлогом покидал болтливую компанию.

Поэтому Элиен честно отдавал себе отчет в том, что не знает об Эллате ничего. Ничего, кроме общеизвестного.

Когда казалось, что весь мир будет растоптан грядами Эстарты, Эллат появился из ниоткуда и был поставлен Советом Союза во главе харренского войска. Почему? Об этом судили все и никто не говорил правды.

Эллат сокрушил Эстарту и навязал грядам жесткий Нелеотский договор. Как? История Ре-тарской войны об этом умалчивает.

Эллат был единогласно избран сотинальмом – главой Харренского Союза. Совет утвердил за Эллатом Знаки Сотинальма и титул Мудрого Пса Харрены пожизненно. За что? Было за что.

И несмотря на то, что Эллат был почетным правителем Харрены, он уже много лет вел жизнь затворника и едва ли можно было найти хоть одного счастливца, добившегося приема у Мудрого Пса Харрены.

Элиен уже довольно долго блуждал по кривым таргонским улицам, обдумывая предстоящую встречу и не очень-то надеясь на ее успех. Наконец он выругал себя за трусость и, увидев двух стражей у ворот в белокаменной стене, подъехал к ним.

– Я ищу дом гиазира Эллата.

– Вы, гиазир, можете видеть его прямо сейчас, – тот, что был постарше, указал себе за спину, где над оградой шумела буйная зелень садов. – Вот он.

Сын Тремгора хмыкнул. Три часа беспельных блужданий по незнакомому городу привели его прямо к воротам Эллата. Это не может быть случайностью.

– Я Элиен, сын Тремгора из Ласара. Мой учитель Сегэллак направил меня к Мудрому Псу Харрены за советом. Когда я могу получить его?

– Прямо сейчас, – ответил страж.

Сын Тремгора не сомневался, что такой ответ на подобные вопросы стражу приходится давать первый раз в жизни.

Все выглядело так, словно Элиена здесь ждали. Уж очень быстро один страж принял от него поводья Крума, а второй провел его по изысканным дорожкам сада к беседке, где Эллат наслаждался покоем и праздностью.

Эллат как будто вовсе не замечал Элиена. Он сидел на скамье, укрытой покрывалом из беличьих шкур, и всматривался в биение струй рукотворного фонтана.

Элиен вступил в беседку, произнося слова приветствия. Но не успел он дойти до «...из рода Акретов», как Эллат преобразился. Беличье покрывало слетело на землю. Мудрый Пес Харрены поднялся в полный рост. В его руках сверкал длинный меч.

Элиен почувствовал жар обжигающего взгляда пронзительных черных глаз Эллата. В этом взгляде не было злости. Сила и уверенность. Спокойствие и неколебимая мощь. Молодая удаль и мальчишеское любопытство.

Элиен невольно отступил на шаг, продолжая заворуженно всматриваться в южную ночь Эллатовых глаз.

Первым, что услышал Элиен от Эллата, было короткое «защищайся».

Мудрый Пес Харрены не шутил. Это сын Тремгора понял сразу же и проворно извлек свой клинок из ножен.

Позволив себе мимолетную улыбку, Эллат прочертил мечом в воздухе знак Тета. Но это не было приглашением к бескровному поединку, да и возможен ли он с боевым оружием – поющим, чтобы убивать? Этот знак – шестилучевая звезда – приглашал к смерти.

Элиена переполнили гордость и страх. Гордость, что он может принять смерть от сотинальма Харрены, и страх, что сам сотинальм Харрены сейчас примет смерть из его, Элиена, рук.

Клинок Эллата устремился к его груди в змеином выпаде. Элиен отпрыгнул.

Эллат шел на него и воздух кипел от бесконечного «водоворота смерти», в котором, сливаясь в два сверкающих колеса, бушевал его клинок.

Уклоняясь, Элиен остался без левой половины полотнища своего плаща. Сделал привычный глубокий выпад. Еще один. Эллат, извернувшись лаской, уклонился.

Несмотря на свои годы, Эллат был удивительно ловок и подвижен. Ни один из ударов Элиена не достигал цели, в то время как его собственный плащ был уже разрезан на три изумрудных тряпицы, лежащих на земле.

«Так старикан скоро меня до костей разденет», – восхищенно отметил Элиен. Этого ему вовсе не хотелось.

Он бросился Эллату под ноги, вспоминая уроки, данные Сегэллаком. Эллат перепрыгнул через устремленный от земли вверх клинок Элиена, словно разом сбросив со своих плеч пять-шесть десятков лет.

Но за спиной Эллата в полный рост поднялся уже не тот Элиен, который подошел к его беседке, робко бормоча слова приветствия. Сыну Тремгора, как и Эллату, стало не до шуток. Он, что ли, этот восьмидесятилетний Эллат-попрыгунчик, пойдет освобождать Шета?

Элиен встал на Путь Воина и был готов идти по нему до конца. На затылок Эллата рушился гибельный удар, который должен был решить судьбу поединка отнюдь не в пользу Мудрого Пса Харрены. Но на его пути с молниеносной быстротой оказался меч Эллата, которому приемы Элиена были не в новинку. Сегэллак, наставник Элиена, и правая рука Эллата в Ре-тарской войне, фехтовал точно так же.

Два клинка встретились. Фонтаны искр, заметных даже при ярком солнце, брызнули во все стороны.

И словно лопнули струны, натянутые между землей и небом. Издав оглушительный звон, клинки разлетелись вдребезги.

Кровавый туман, заставший мозг Элиена, рассеялся мгновенно. Он бросил расколотый меч на землю и опустился на колени перед Мудрым Псом Харрены. Элиен почтительно взял руку Эллата и приложил ее к своей правой скуле.

– Прости, Мудрый Пес Харрены. Путь Воина вел меня, и я ничего не мог сделать. Я хотел твоей смерти.

Эллат, чье изрезанное глубокими морщинами лицо расцвело неожиданной улыбкой, отер пот со лба, переводя дыхание.

– Встань.

Элиен повиновался.

– Я тоже хотел твоей смерти, сын Тремгора. И если бы ты оказался не тем, за кого себя выдаешь, ты был бы уже мертв. Но и ты убил бы меня, не будь я тем, кем некогда назван. Мы узнали друг друга. Но, главное, я увидел в твоём оружии силу, которую давно надеялся найти. Скажи, откуда у тебя такой меч?

– Я выковал его год назад.

Эллат, казалось, был изумлен.

– Ты? – переспросил он.

– Да.

Эллат промолчал. Наконец он сказал:

– Хорошо. Теперь отдыхай. Мы встретимся на закате на этом же месте.

Из ниоткуда перед ними вырос тот самый страж, который совсем недавно и, кажется, так давно – до поединка – был проводником Элиена по саду расходящихся тропок.

– Устрой юношу в гостевых покоях, – распорядился Эллат и снова занял свое место на беличьих покрывалах, словно ничего не произошло.

Элиен учтиво поклонился и, памятуя о том, что болтливость в таких ситуациях отнюдь не является достоинством воина, последовал за стражем, бросив беглый взгляд на остатки своего щегольского плаща и обломки оружия. Кто соберет их?

Лучи заходящего солнца пронизывали сад, сообщая ему несколько странную перспективу. Деревья, лужайки и клумбы выглядели совершенно иначе, чем утром, и Элиен не мог отделаться от ощущения, что идет куда-то не туда, хотя это и противоречило всем доводам рассудка.

Сад перед закатом был совсем не таков, как утром. Может быть, и сам Эллат, его хозяин, переменялся?

Страж оставил его на том же месте, что и утром. Элиен нашел это предлогом к тому, чтобы пойти, не торопясь, и получить от созерцания сада как можно больше удовольствия.

– Элиен? – спросил Эллат, не оборачиваясь.

– Это я, милостивый гиазир Эллат.

Дождавшись приглашения, Элиен сел у ног Мудрого Пса Харрены, ожидая слов, которые должны решить его судьбу. Выдержав внушительную паузу, Эллат наконец начал.

– Год назад, Элиен, я зарыл в стороне от второй аллеи плод итского каштана. Я обнес это место камнями и самая красивая из моих рабынь поливала плод, схоронившийся в тучной земле моего сада, молоком трехлетней ослицы. Итский каштан – дерево, которое очень нравится мне. В нем сила двухсотлетнего дуба, щедрость яблони и изящество ивы. Я думал вырастить из этого плода могучее дерево на радость себе и своим правнуками и не жалел сил, ухаживая за ним.

Эллат замолчал, вглядываясь в даль, где исчезал за тучами малиновый диск дневного светила. Элиен был неподвижен, пытаясь отыскать в словах Эллата потаенный смысл, и досадовал от того, что был не в силах его найти.

– Но, – продолжал Эллат, – счастье отвернулось от меня. Чем больше стараний прикладывал я к тому, чтобы взрастить побег любимого дерева, тем больше разочарований мне приносила судьба. Над землей, заботливо взрыхляемой ежедневно, не появилось ни единого листика.

– Это случается, милостивый гиазир Эллат, это случается, – подтвердил Элиен, чтобы Эллат не подумал, что его гость не желает относиться к сказанному им с должной серьезностью. Сыну Тремгора начинало казаться, что Эллат расплатился за юношескую молодость тела совершеннейшим старческим маразмом.

– Я потерял интерес к мысли вырастить итский каштан прошлой осенью и больше не навещал то место близ второй аллеи. Но не так давно – в месяце Эсон – я случайно забрел

туда без всякой надежды на успех своих трудов. Что же я там увидел, ты случайно не догадываешься?

– Нет, – искренне ответил Элиен. – Неужели росток каштана?

Эллат смотрел на него или скорее сквозь него с легким укором. «Кому как не тебе об этом знать!» – читалось в его взгляде. Элиен был растерян и заинтригован. Он ждал ответа. И ответ последовал:

– Нет, не каштана. Там, за оградой, вскормленный молоком и взлелеянный моими руками, красовался побег герверитского вяза.

Элиен вздернул брови.

– Мне известно о твоём поражении при Сагреале. – Эллат, не давая Элиену опомниться, продолжал свой рассказ. – Твое войско было отменным, и ты не сделал ошибки. Однако твоё поражение было закономерным. Если бы ты взглянул на тот побег вяза, ты сразу бы понял все. Октанг Урайн, властелин Земли Герва, Земли Вязов, стал новым служителем Хуммера и многие силы мира теперь покорны ему. Вот почему твоё поражение было предопределено. Нельзя сразить Воинов Хуммера в честном бою. Не может быть честного боя. Началась эпоха Третьего Вздоха Хуммера.

На сад опускались сумерки. Прохладный ветер делал беседку неудобной и чужой. Элиен был бы рад оставить это место, но Эллат вовсе не собирался уходить. Похоже, все, что должно быть сказано, будет сказано именно здесь. В саду, поглощаемом сумерками.

Элиен задал тот же вопрос, который совсем недавно задавал Сегэллаку:

– Что я должен делать?

Эллат протянул ему свои пустые ножны.

– Вновь наполни вот это. Но помни: когда твоя рука впервые прикоснется к ножнам, отказаться ты уже не сможешь. Если ты восстановишь меч, треть мироздания восстанет на дыбы, ибо именно столько земель и небес сейчас проницаемы волею Хуммера. Стихии будут против тебя!

«Отказываться?» – Элиен не понимал, какой отказ может последовать с его стороны. Он не собирался отказываться. Он не знал, как можно отказать сотинальму.

Элиен бережно принял ножны. Эллат удовлетворенно кивнул.

– А теперь иди. В моей кузнице уже все готово.

Ночь с тринадцатого на четырнадцатый день месяца Белхаоля была ночью поклонения Гаиллирису – покровителю Харрены. Элиен к своему стыду напрочь забыл об этом. Эллат освежил его память.

Кузница была невелика. В ней Элиена ждала чаша с Медом Поэзии, пышущий жаром горн и двое помощников, в которых сын Тремгора не без удивления признал утренних стражей. Обломки мечей – его и Эллата – были бережно разложены на алом шелковом полотнище.

«Что со всем этим делать?» – растерянно подумал Элиен, осматривая стальные осколки. Он никогда не переплавлял два старых меча в один новый. Любой кузнец, предложи ему подмастерье такую работу, надаёт ему увесистых тумачков и прогонит в красильщики тканей.

Сын Тремгора не мог пойти к Эллату и надавать ему тумачков. Не мог погнать сотинальма в красильщики тканей. Элиен был на грани отчаяния.

Его помощники безучастно ожидали приказаний.

Не зная с чего начать, сын Тремгора взял чашу и сделал скупой глоток. Это был отменный Мед Поэзии. Лучший из всего, что он пил за свою жизнь. Элиен осушил чашу до дна. По телу разлилось мягкое тепло. В просветляющейся голове зазвенел хрусталь. Нет, он решительно никогда не пил ничего подобного.

Твердым голосом Элиен приказал:

– Ещё меду мне. Живо!

Когда Элиен возвратился в гостевой покой, он чувствовал себя усталым и обессиленным. Перед глазами проплывали сполохи разноцветного пламени, в ушах все еще стоял грохот кузнечного молота.

Он растянулся на ложе, которое с легкостью могло бы вместить семерых. У дверей коптил масляный светильник, изменчивые тени ползали по потолку и стенам.

За окном поднялся ветер. Элиен подумал о том, что Эллату, быть может, тоже не до сна. Не исключено, он тоже сейчас слушает этот глухой гул ветра и слышит зловещий сиплый посвист в отверстой глотке Хуммера. Третий Вдох...

Внимание Элиена привлек искусно расшитый гобелен на стене над его ложем. Харренские солдаты, мал мала меньше, осаждают грютскую крепость, тоже маленькую. Чуть повыше харренское войско – крохотные фигурки с копьями размером в портновскую иглу – переправляется через Орис. Обоз и пленные, неровные ряды, река изгибается затаенным поясом...

Еще выше: харренское войско входит с триумфом в некий город. Балконы домов и стены украшены цветами. Над их головами сияет солнце величиной с медный авр. «Похоже, – подумалось Элиену, – художник задался целью изобразить историю войны с Эстартой без каких бы то ни было сокращений».

Ветер за окном усилился. Одна фигурка из сцены, занявшей левый крайний угол гобелена, пискнула «энно!» и спрыгнула на ногу Элиена, обретая объем и вес. За ней с тем же победным кличем высыпала на ложе и остальная солдатня. Элиену показалось, что на него со стены обрушился самый необычайный в мире муравейник.

Муравьи, однако, были вооружены, и хотя каждый в отдельности меч – миниатюра искуснейшей работы – ничего не значил, все вместе они составляли изрядную силу.

Набросившись на Элиена, все это крохотное войско принялось колоть, рубить и резать. Очнувшись от потрясения, Элиен вскочил со своего ложа и начал судорожно отряхивать кроважное племя с живота, плеч, рук.

Не тут-то было. Многие упали, но кое-кто держался крепко, уцепившись за волосы и одежду. Элиен чувствовал, как впиваются в его кожу острые иглы копий, как лезвия крохотных мечей рассекают его плоть. Нет, муравьи на такое не способны.

С гобелена сходили все новые и новые отряды. На Элиена обрушились сотни стрел. Каждая из них была ничем. Все вместе они составляли боль. Элиен закрыл лицо рукой и отступил.

Перед его мысленным взором предстал Мудрый Пес Харрены. «Не может быть честного боя. Началась эпоха Третьего Вздоха Хуммера». Так говорил Эллат, всматриваясь в сумерки сада. Гобелены, видимо, теперь заодно с Хуммером. Гобелен.

Элиен вскочил на ложе и принялся сдирать гобелен, который источал запахи жженой плоти, гнилой воды и пота. Это оказалось непростой задачей. Проклятая тряпка держалась на стене, закрепленная множеством позолоченных гвоздей. Лицо Элиена заливала кровь, в его щеки вонзились коготки осадных крюков, в его щиколотку стучался заостренный таран. Похоже, теперь его штурмовали, словно крепость.

Боль придала ему решимости. Если выдерживать гвоздики по одному, можно по меньшей мере ослепнуть в этой возне, которую язык не поворачивался назвать сражением. Элиен наклонился, нащупал нижний край гобелена и сгреб ткань в охапку. Напрягшись изо всех сил, он разом выдернул из стены всю Хуммерову тысячу позолоченных гвоздиков. Гобелен упал на ложе.

Темя Элиена долбили крохотные боевые молоты. Волосы шевелились – в них, словно в высокой степной траве, топтались харренские браслетоносцы. Гобелен нужно сжечь. Сын Тремгора схватил масляную лампу.

Топча десятки нападающих, Элиен вытащил гобелен на середину комнаты и с размаху швырнул лампу в его центр. Гостевой покой наполнился едким дымом. Раскрашенная ядовитыми травяными красками ткань занималась медленно.

Наконец пламя разгорелось и приняло гобелен в свои неласковые объятия. Вместе с гобеленом гибли и воины, алкающие смерти Элиена. Между тканью и харренской армией, с нее сошедшей, существовала запредельная связь – воины вспыхивали, корчились и падали замертво, словно бабочки-однодневки, чей срок жизни вышел к ночи без остатка.

Элиен отер лицо от пота и крови. Теперь можно было передохнуть.

И только когда костер, разложенный в гостевых покоях, поднялся до потолка, он оценил всю полноту глупости своего положения. Ласарский гость, повредившись в рассудке, решает предать огню дом харренского сотинальма. Тема, достойная пера.

Четырнадцатый день месяца Белхаоль

Эллат с живым интересом разглядывал принесенный меч.

– Да, – сказал он наконец. – Это работа человека, избранного судьбой. Теперь я уверен – ты убьешь Урайна. Ты уничтожишь герверитов. Ты, потому что это не по силам никому другому. Ты не отступишься от Пути Воина. Прими же от меня второй дар вместе с первым.

Эллат извлек из-под своего неизменного беличьего покрывала цельножелезный щит.

– Его мы вчера не разбили, и надеюсь, он пребудет в целости еще долго.

С этими словами Мудрый Пес Харрены положил на щит, как рыбину на блюдо, перекованный меч.

Сын Тремгора с глубоким поклоном принял дар.

– Я не отступлю, равно как и воды Сагреалы не потекут вспять. Но то, что было сказано о черном могуществе герверитов, тревожит меня. Я воин, а не кудесник. Я бессилен перед магией Хуммера. Я готов отдать собственную жизнь, но не согласен отдавать на заклятие Хуммеру ни в чем не повинных юношей и мужей, цвет моего народа. Поражение при Сагреале многому меня научило. Честный поединок невозможен и ты, Мудрый Пес Харрены, только что сам сказал мне об этом.

– Поединок между тобой и Урайном едва ли будет честным. Но на сей раз он должен стать равным. То есть равно бесчестным, ибо хитрость, коварство, звериная подлость должны стать отныне и твоими союзниками. Я не могу ничем помочь тебе в этом. Я исполнил свой долг, я передал тебе Поющее Оружие и сила больше не пребывает у меня. Отныне я всецело во власти старости.

– Кто же окажет мне помощь? – В голосе Элиена зазвучало отчаяние.

– Леворго. Хранитель Диорха. Ты найдешь его в Тардере.

Эллат встал, расправил одеяния и сделал знак Элиену. Тот проворно поднялся со своего места. Похоже, время покинуть сад. Похоже, говорить больше не о чем. Солнце медленно карабкалось вверх – светозарный паук на голубом шелке небес.

В молчании они достигли ворот.

– В начале нашего разговора ты рассказал мне о ночном происшествии. Что ж, сила Урайна крепнет. И будет крепнуть до тех пор, пока ты не положишь ей предел.

Элиен поклонился Эллату с той почтительностью, какую только способен выказать харренскому сотинальму человек, за ночь истребивший все харренское войско. Даром что в миниатюре.

– Прощай, мы не увидимся с тобой более, – сказал Эллат, и лицо его было безмятежным.

Пути Звезднорожденных

566 г., Зима

В первой же деревне Ураин купил себе лошадь, заплатив за нее, как за полтабуна, из расшитых смарагдами переметных сум, и, дружелюбно поведав местным жителям о сладкой грютской жизни, где даже самый последний поденщик имеет трех жен, направился на северо-запад.

Во второй деревне, которая была покрупнее и побогаче первой, он встретил полупьяный царский отряд, пытавшийся выколлотить из окрестных жителей налог за пользование лесными угодьями. Жители разводили руками, дескать, не пользуемся, это все крикуны гадят.

Солдаты обстоятельно, начиная с Западных Выселок, жгли деревню. Ураин соскочил с лошади и, не поздоровавшись, зарубил начальника отряда в чине агнала – пятидесятника. У оторопевших солдат он осведомился о размерах жалованья.

Ответили нехотя.

– Не густо, – покачал головой Ураин и выплатил каждому двухмесячное жалованье агнала. – Получите втрое больше когда мы войдем в Варнаг, – сообщил им Ураин и приказал следовать за собой.

Солдаты не возражали. Все, кроме одного, прогундосившего:

– А если...

– Никаких если, – строго ответил Ураин, отирая меч о кожаный панцирь ухнувшего в траву болтуна. Жителям деревни Ураин предложил те же условия.

В первую же ночь на жизнь и в особенности на сокровища Урайна попытались покушаться трое сорвиголов из его новообетенного отряда. С ними он разделался в пять ударов: их клинки разлетелись в железную щепу, а тела с глубокими обожженными ранами он продемонстрировал оставшимся в качестве залога верности новому хозяину.

В Линниге, сравнительно крупном городе – а городом у герверитов считается все, что обнесено частоколом, – он произнес свою первую речь.

«Свора варнагских пиявок, облепивших зловонными язвами тела истинных Сынов Герва... Несметные сокровища Юга, рядом с которыми меркнут неисчислимые богатства Севера... Порядок, справедливость и процветание...»

Голос Урайна завораживал и манил. Вместе с рассветом в городе дружно загрохотали молоты восьми кузниц, а длинный санный обоз потянулся к глиняным копьям – за материалом для новых кузниц, казарм, стен, оружейен.

Спустя месяц имя Урайна впервые слышали в Варнаге. Спустя два месяца под невиданными в герверитских лесах стенами Линнига, сложенными из свежего красного кирпича, появилось герверитское войско во главе с молодым и очень авторитетным военачальником.

Военачальника звали Иогала. С ним пришли пять тысяч хорошо вооруженных воинов, закаленных в приграничных стычках с дугунами. Сосчитать свое ополчение Ураину даже не пришлось в голову.

Был солнечный морозный день. Иогала выстроил свое войско клином напротив городских ворот. Во главе клина стояли пятьдесят дюжих герверитов с огромным тараном, увенчанным медной головой вепря. Сам Иогала гарцевал неподалеку от таранобойцев на строптивом грютском скакуне, стоившем чуть больше Линнига со всеми потрохами, и скучаяще поглядывал на пустые стены. Можно было начинать.

«Иди», – раскатилось в ухе Урайна. Том, втором, оставшемся под сумеречным пологом Лон-Меара.

Распахнулись ворота и навстречу пяти тысячам воинов Иогалы вышел один Ураин. Он держал меч за клинок, рукоятью вниз, и не торопясь приближался к Иогале. Иогала видел перед собой вождя мятежников, Ураин – своего будущего помощника, правую длань Длани Хуммера.

Иогала в свои двадцать семь был обласкан заботой царя не даром. Он никогда не сомневался в том, что героические сказания, исполненные благородства и пустой болтовни – одно, а настоящая война – совсем другое. У него было четкое предписание искоренить смуту по своему усмотрению. Искоренить – а не вести переговоры. Нерешительность была Иогале неведома.

– Стреляйте, чего глазеть! – крикнул он лучникам.

Те только и ждали приказа. Несколько сотен оперенных жал устремились к сердцу, глазам, легким Урайна. Ураин приподнял край плаща, заслоняя лицо, словно бы путник, защищающийся от выюги.

Несколько сотен стрел исчезли в багровых складках неведомой ткани. Ураин продолжал идти вперед.

Войско ахнуло в пять тысяч глоток. У самых матерых ветеранов ослабели колени. Клинок заколыхался, готовясь превратиться в стадо разбегающихся баранов.

– Стоять! – прогремел над войском Иогалы страшный приказ. – Стоять, ибо я есть Благо!

И все остались стоять. Только конь Иогалы скинул своего седока и, разбрасывая копытами неглубокий снег, понесся в лес.

И тогда Ураин заговорил негромким, спокойным голосом, но его слова слышали все.

565 г., Весна

Ураин не спешил. Рядом с Линнигом за конец зимы и начало весны вырос большой военный лагерь, в котором расположилась объединенная армия. Над войском по-прежнему начальствовал Иогала, а над Иогалой – Ураин и воля Хуммера. Он дождался наступления весны, дождался, когда раскисшая лесная дорога на запад подсохнет и первая листва тронет серые ветви вязов. После этого он выступил.

Через месяц десяти тысячное войско Урайна появилось под стенами Варнага.

Через месяц и один день Ураин, сопровождаемый преданным Иогалой, вошел в приемные покои герверитского царя Бата Второго для переговоров.

Через месяц, один день и один час Бат Второй был зарублен Урайном на глазах у вельмож, сановников и дворцовой стражи.

Царем герверитов стал Октанг Ураин. Все присутствующие незамедлительно присягнули ему на верность. Глупо противиться воле того, чей меч с одного несильного удара способен распластать человека на две дымящиеся половины.

Ураин подошел к пустому деревянному трону, единственным украшением которого была незатейливая резьба, покачал головой и промолчал. Трон он решил оставить, но весь Варнаг, вся Земля Герва, вся Сармонтазара подлежали коренному изменению.

Народы жаждут Нового Блага, и народы его получают.

Часть вторая Юг

Глава 4 Хранитель Диорха

562 г., Третья неделя месяца Белхаоль

В Тардер вели две дороги – новая, построенная уже в правление Эллата, и старая, плод государственных забот Айланга. Новая была лучше; старая, заброшенная, была короче. По ней прошла в Харрену армия Эстарты. По ней же она отступала, но посланцы Эллата сожгли мосты через Кассалу прямо у грютов на глазах, и сожгли не совсем привычным для взгляда смертного пламенем.

Об этом не принято было распространяться иначе как поэтически. Сгорело слишком многое; память об этом лучше было предать забвению.

Мосты восстанавливать не стали. Новую дорогу проложили севернее, а на старой выстроили крепостцу с небольшим, но бдительным гарнизоном. Эллат не хотел, чтобы в местах, где некогда бушевало неземное пламя, шлялись охотники за диковинками вроде пресловутой «второй хиратты» или оплавленных шлемов грютских уллеров.

Через пятнадцать лет все настолько привыкли ездить кружным путем, что уже ни у кого не возникало мысли продираться через густые травы-муравы на старой дороге. Запреты оказались излишни. Гарнизон вывели, крепостца осталась.

Элиен спешил, его подгоняло желание как можно быстрее увидеть Леворго, и поэтому он сразу же избрал старую дорогу как более короткую.

Когда показались замшелые стены крепостцы, Элиен чувствовал себя смертельно усталым и оттого отдых среди руин он счел воистину царской роскошью. Солнце клонилось к закату, и это окончательно склонило выбор сына Тремгора в пользу осмотра сомнительных местных достопримечательностей.

Руины были населены птицами и мелкими грызунами. Вопреки упованиям Элиена найти в крепости приют разбойников или бродяг, на которых можно было бы испробовать новый клинок, он не встретил там ни одной живой души.

При ближайшем осмотре крепостца произвела гнетущее впечатление. *Странные* пятиугольные казематы, *странные* букли и фестоны *странной* лепки под потолком. Капища Гестры и Гаиллириса, неожиданно чистенькие, без единой пылинки. Фрески – свежие, будто бы их нарисовали неделю назад. Стрелковые галереи, заваленные чем-то вроде древесного угля, но – не углем.

Очень скоро Элиену надоело слоняться среди развалин и он выбрал себе комнату для ночлега. Потолок ее был цел, пол – сравнительно ровен, а овальное окно-бойница выходило в бывший хозяйственный двор, посреди которого торчал почерневший от крови и дождей стол для разделки свиных туш.

В одном из углов комнаты стояла статуя. И это было все-таки лучше, чем одиночество.

Обнаженная красота молочно-белого греоверда статуи неожиданно взволновала его. Полногрудая, узкобедрая дева призывно смотрела на сына Тремгора лишенными зрачков очами. Ее соски были настороженно тверды, губы полуоткрыты.

В правой руке она держала факел, увитый терновником, – символ высшей покорности силам судьбы. Левая же простиралась вперед в поэтической неопределенности, которую можно было прочесть и как страстный зов, и как предостережение.

Обнаженная. Нет даже украшений. Хочется подарить ей одежды, хочется согреть ее в сумраке одинокой ночи, хочется пожаловать ей паланкин и плащ – непристойно роскошные, какие есть только у госпожи Аммо.

Рука Элиена сама собой потянулась к сарноду и вынула оттуда браслет из черных камней, подаренный ему Гаэт в тот страшный вечер на левом берегу Сагреалы.

«Если ты действительно хочешь, чтобы Гаэт пришла, надень браслет на запястье глянувшей тебе женщины».

Элиен прислушался к своим чувствам. Воплощенная в греоверде дева ему действительно «глянулась». Более чем. Значит...

В запретных для собственного хозяина глубинах сердца вдруг всколыхнулся головног благоговейного ужаса. Элиен почувствовал, как его легкие сминаются под напором щупалец этого головнога-душителя. Что случилось? К какой черте подошел он, молодой Кузнец Гаил-лириса, куда намерен пойти сейчас, если один только *страх* перед неведомым, кажется, убьет его прежде, чем он успеет сделать хоть что-то?

В глазах потемнело, но свет не померк окончательно – Элиен все-таки успел надеть браслет из черных камней на левое запястье статуи.

– Я не верила, что ты вернешься за мной, милостивый гиазир Элиен, – сказала статуя и сошла с постамента.

Сын Тремгора отступил на шаг назад. Статуя говорила голосом Гаэт.

– Не бойся, Элиен, все происходит так, как я тебе обещала. Мы снова вместе.

Нет, он не спал. Статуя исчезла. А перед ним действительно была Гаэт – девушка из плоти и крови.

Испуг исчез столь же неожиданно, как и появился. Неведомое – прямо перед ним, в облике воскресшей. И он, Элиен – по-прежнему жив, его легкие не превратились в скомканные пергаменты. Головног ужаса – вновь в своей потаенной берлоге. Неслышимый, невидимый, временно не существующий.

Он не стал спрашивать, как совершилось это чудесное превращение. Он знал, что объяснение, которое может быть дано дочерью итского торговца театральными куклами, будет либо туманным, либо никаким.

«Есть вещи, которые следует принимать в их *таковости* безмолвно и благодарно», – учил его Сегэллак.

Влажные теплые руки Гаэт ласкали истомившееся тело Элиена, и он принял *таковость* любовной неги без излишнего умственного напряжения.

Элиен любил ее четыре раза. Он не чувствовал ни усталости, ни пресыщения. Мозг его был пуст.

Элиен наслаждался узнаванием. Он узнавал ее чувственные губы. Он узнавал волнующие прикосновения ее тонких пальцев. Он узнавал ее легкое дыхание и даже запах хвои, который исходило платье Гаэт в ту первую ночь в шатре, расписанном знаками несостоявшейся победы.

Он узнавал крохотные ямочки на ее щеках и детский пушок над ее верхней губой. Да, это была Гаэт и никто иной. И Элиен ласкал ее хрупкое тело так, как не ласкал никогда и никого до нее, стараясь не вспоминать о том, как та же самая девушка упала к его ногам мертвой.

Наслаждение, накатываясь волнами неспешного прибоя, незаметно перетекло в терпкий и непрозрачный сон.

Когда Элиен проснулся, Гаэт не было. На полу лежала разбитая статуя. Браслет из черных камней выделялся на белом фоне ее отколовшегося запястья как знак долгой разлуки.

Был ли это сон или видение, наведенное призраками, что вышли из стен разрушенной крепости? Едва ли. Все, что пережил он этой ночью, было слишком реалистичным, чтобы оказаться сном.

Элиен снял с каменного запястья браслет и внимательно осмотрел его. На браслете не хватало одного камня. Одного из шести.

Элиен оседлал Крума. «Гаэт» – вертелось на его языке, но он гнал от себя это имя. При свете дня ему не хотелось думать о том, что всего лишь несколько часов назад он истово любил статую, обретшую волей неведомых ему сил плоть и кровь.

Отсутствие мостов через Кассалу не смутило Элиена. Не смутило его и то, что безнадежно заросшая за тридцать лет дорога к концу второго дня совсем потерялась и он брел по лесу, соотносясь днем с солнцем, а ночью – с Зергведом.

Спал он мало, потому что выспаться он еще успеет в Святой Земле Грем, вечно бытуя там – милостив будь, Гаиллирис! – кедром или каштаном, но не вязом.

Видно, он все-таки забрал севернее. Увидев перед собой дымчато-голубиково-голубую Кассалу, он не обнаружил никаких следов огня, который сожрал мосты, а вместе с ними, как уклончиво отвечали ветераны, «и многое другое».

Он переплыл Кассалу под проливным ливнем, переплыл при полном вооружении. В этом было и соперничество с самим собой, и желание доказать всему миру, что не один Кавессар мог переплыть в своих тяжелых доспехах почтенную реку, пусть и носящую другое имя. Жеребец, избавленный от тяжести седока и его оружия, пересек Кассалу вплавь вслед за своим хозяином, фыркая от удовольствия.

Для Элиена удовольствие началось, когда он, распугав окрестных лягушек, рухнул в мокрый песок и, тяжело дыша, ловил ртом струи летнего дождя, смеялся и поглядывал на далекий левый берег, недоумевая, как его угораздило пойматься на такую затею. Нет, в следующий раз все железо понесет выносливый Крум.

– Правда, Крум? – спросил Элиен, подымаясь.

Жеребец надменно покосился на хозяина и недовольно фыркнул.

Дождь хлестал вовсю. Стало не на шутку холодно. Если бы Элиен не завидел халабуду, затянутую диким хмелем, ее следовало бы построить самому.

Бояться Элиену было некого, да и незачем – бойся хоть с каждым своим вздохом, а пока нос не почешется, в рожу не получишь. Нос не чесался.

Рядом с хмельным домиком была коновязь, у которой Элиен оставил Крума, а сам он осторожно толкнул дверь и прошел внутрь. Меч все-таки из ножен извлек – комаров отгонять.

Изнутри строение показалось куда большим, чем снаружи. Света, которого давали окна, забранные на удивление хорошим стеклом, вполне хватало.

Никого не было. У дальней стены Элиен увидел черную как смоль корову, мирно жующую свою травяную радость. Над коровой была ниша, в нише – чаша, в чаше – шар. Похоже, стеклянный. Редкость.

«Капище лесных стеклянщиков или старьевщиков», – иронически пробормотал Элиен, озирая стол с нехитрой утварью, очаг, лавки вдоль стен и циновки на полу.

Дождь усиливался, с неистовством колотя по крыше, с которой немного протекало на безучастную корову. На столе Элиен обнаружил крупную репу и, понадеявшись, что она не

последняя, быстро съел. Вяленое мясо, которое он грыз два последних дня, успело навязнуть на зубах; сочная, пусть пресноватая мякоть пришлась как нельзя кстати.

Элиен присел на лавку, опустил голову на стол и безмятежно задремал.

Уши слышат больше, чем сообщают о том своему хозяину. Они слышали, как вошли и расселись вокруг какие-то существа, но звуки не несли опасности, а существа эти были всего лишь людьми, и людьми немолодыми. Лежа у коновязи, Крум видел их и тоже не нашел в них ничего страшного. Вывать к хозяину не стоило. Так рассудили между собой в безмолвном разговоре и пришедшие.

Когда Элиен открыл глаза, в очаге горел огонь, в котле что-то аппетитно кипело, в капище сутилось четверо лесных «стеклянщиков». Пятый сидел напротив Элиена и, склонив голову набок, рассматривал его с таким выражением лица, будто незванный гость был говорящей собакой или, того лучше, безмолвствующей женщиной.

– Ты съел мою репу, – сказал он на языке Эррихпы.

– Съел и готов заплатить за нее одну как за целый воз яблок, – спокойно парировал Элиен. Как и всякий уважающий себя знатный северянин, он свободно владел ре-тарским.

– Так давай его сюда, свой воз, – буркнул старик. – Твоим золотом сыт не будешь.

– Насыщайся словами, – пожал плечами Элиен.

Один из старцев, который в это время кормил корову, хихикнул.

– Цыц, браток! – строго прикрикнул на него Лишившийся Репы. Он, видно, был у «стеклянщиков» за главного. – А ты, если такой умный, – это уже Элиену, – дай нам хоть слов.

– Нет Меда Поэзии, нет и слов.

– А, так ты, наверное, какой-нибудь харренский пьяница? Я так сразу и подумал. Отобрал репу у старого человека, двух слов без чарки связать не можешь, да еще и прикинулся на тыщу авров. Точно, ты младший жрец Гаиллириса, из Ласара, наставник твой старый болтун Сегэллак, а звать тебя Элиен, хотя по-бабски – Неилэ – выйдет лучше.

Элиен разозлился. Ему было плевать, откуда этот старикан знает его имя, а вот то, что он перекрутил его справа налево, в Харрене от самого сотворения Сармонтазары считалось смертельным оскорблением.

– Старость – плохая защита, стеклянный, – спесиво процедил Элиен. – Ею ты едва ли оградишься от меча Эллата.

Внутренности капища взорвались гогом, достойным бесшабашной варанской матросни, но отнюдь не пяти дряхлецов. Крум у коновязи заржал за компанию.

– От меча Эллата? А с чего ты взял, что у тебя есть меч Эллата? – спросил стеклянный, отсмеявшись.

Это было уже слишком.

Элиен полез в ножны и вытащил оттуда смехотворно тонкую и потрясающе длинную морковку.

Второй приступ веселья был куда заразительнее и длиннее первого. Элиен, чтобы не показаться полным индюком, вынужден был присоединиться.

– Кто вы? – наконец спросил он, не в силах поддерживать их игру.

– Да так, стеклянщики. Там шарик выдуем, здесь окно заделаем, на репу заработаем и живем. А Эррихпа называл нас и совсем просто – диофериды.

Ну да. Осел. Битого войска писарь. Корова. Шар. Рисовал в детстве на песке каких-то шароголовых. Мечи рисовал длиной в три шага. Сегэллака слушал. Ослина. Неилэ.

– Тогда ты – Леворго. Но почему здесь, о Шара Хранитель, Миров Повели...

– Ты хочешь, чтобы мы уснули, как спали, когда к нам являлся Церемониальный Гонец? Или ты думаешь, что кто-то из нас забыл хотя бы полслова из тех ста двух, которыми, как аспад-

ский ковер, с грохотом раскатывают нашу титулатуру? – Последнее Леворго сказал отнюдь не без гордости. – Есть хочешь?

Элиен утвердительно кивнул.

О Гаиллирис, здесь, в такой глуши – диоферида! Элиен жаждал обратиться одним огромным ухом. Говорить рядом с ними значило приблизительно то же, что муравью разглагольствовать о Семи Великих Искусствах в обществе Лида, Лже-Лида и Трева Аспадского.

– Тогда ешь свою морковку, пока не подоспеет горох, и слушай. Мы, как ты, видимо, и был уверен, еще полгода назад очень хорошо чувствовали себя среди тардерских фонтанов, скучали на заседаниях Царского Совета и в меру своих возможностей – (Элиен мысленно усмехнулся, «в меру своих возможностей»; хотел бы он посмотреть на эту меру – небось этой мерой в два счета можно вычерпать море Фахо) – наставляли Неферналлама Второго. Последний, увы, сын своего отца и иначе было бы странно. Когда ты собирал в Ласаре дружину для похода, к Неферналламу пришли варанские послы и высказались в том духе, что хорошо бы сделать так: Варан дает флот, Неферналлам – войско, всей оравой подымаемся вверх по Орису и герверитам не устоять. Ураин мертв, Шет окс Лагин свободен.

Леворго замолк, выискал где-то в своей хламиде блоху и раздавил ее на чистом ногте. Элиен посчитал, что ослышался глазами – бывает ли так?

– Бывает, бывает, но это не тот случай, – проворчал Леворго. – Не могу же я заклинать все, что ни попадя? А корова, даже священная, остается коровой, а блоха, даже самая малая, хочет есть. Но эта блоха потеряла свой путь и сошла с коровы на тело человека. Нет больше среди Нитей Лаги ее нити, оборвана она судьбой в обличье Леворго.

Элиен расплылся в улыбке.

– Вот таким ты хорош, – заметил Леворго. – Пасть до ушей, в граблях надкушенная морковка, в голове хеогаста. Теперь дальше. Неферналлам отказал варанцам. Я в мягких выражениях потребовал их поддержать. Неферналлам – нет. Я – поддержать. Неферналлам – нет, нет и еще раз нет. Сам, говорит, иди, если такой умный. Я ему, кстати, не папаша и не нянька. Не хочет – не надо, много людей до времени живы останутся.

Этого Элиен не понял и, не поняв, осмелился перебить:

– Что ты хочешь сказать, Леворго? Урайна можно было победить, если бы присоединился Неферналлам?

– Нет, я этого не сказал и не хотел сказать, – нетерпеливо ответил Леворго. – И вообще впредь запомни: прошлое так много болтало о будущем, что никому – да и мне тоже – уже не под силу разобраться во всех прорицаниях, иносказаниях, перевранных песнях и именах сущностей, которых, может, никогда не было и не будет; или еще не было, но будут. Я не знаю, хватило бы Урайну на вас всех силы или нет. Скорее всего хватило бы. Возможно, нет, потому что есть могущество и есть ему пределы. Мир слишком большая и слишком вздорная книга, чтобы прочесть ее всю и поверить в каждое слово. А с Неферналламом я говорил всего лишь как человек с несколько большим, чем обычно, дипломатическим опытом, – («Все-таки он очень гордится своими талантами, хотя и разыгрывает скромника», – подумал Элиен), – и опыт этот мне говорил об одном: есть Право Народов и есть народы. Есть наглый вызов и ни один просвещенный народ не может оставить его без ответа. Даже даллагы не могут. Ты принял вызов, Неферналлам – нет.

Не было для Элиена темы больнее, не было в его душе более глубокой раны, но он собственноручно всыпал в нее щедрую горсть соли:

– Но Неферналлам тем самым уберег десятки тысяч людей, а я своих погубил.

– То, что не пожнет война, пожнут болезни и время. Твои воины, умерев, отдали свои силы тебе, грюты Фараммы завещали свою силу Асхар-Бергенне, а стердогасты Неферналлама пока лишь сладко жрут за государственный счет, но никто не видел от них пользы. Сила Ретара разлетается по ветру из их пьяных глоток.

Леворго был взволнован. Он перевел дух и продолжил:

– Вот так, Элиен. Варанцы – тоже козье, похоже, дерьмо, потому что Шет окс Лагин был их человеком, а без Неферналлама они не отважились выступить, да и твоими предложениями, насколько мне известно, пренебрегли.

О да! «Любезный брат брата нашего... Радея о государстве... Решится силой убеждения...» Пеплом их письма долго играл ветер на снегу, а Элиен...

Элиен кивнул:

– Пренебрегли.

– Ну вот и все, – неожиданно заключил Леворго.

– Все что? – не удержался Элиен.

– Все все. Я имею власть советовать. Но я не хочу – а это всегда сильнее, чем «не могу» – повелевать. Мы ушли из Тардера сюда, потому что нет в нем больше силы, а главное – воли, и Башня Оно отныне не более чем затычка для небес. Ушли, чтобы встретиться с тобой.

«Ох и мастер порассказывать, этот Леворго! „Ничего не знаю, ничего не понимаю“, а сам забрался в самое подходящее место для встречи со мной и ждал чуть не полгода. Он бы еще в Синий Алустрал залез», – приблизительно такие мысли вспыхнули в сознании Элиена десятком разноцветных искр.

– Ты лучше болтай языком, чем балдой, а то я стар уже, тяжело напрягаться, – заметил Леворго. – Твой пращур Акрет, который прапрадедушку Кроза настрогал, еще в Северной Лезе лайкам хвосты крутил, когда я лепил из глины таких вот. – Леворго ткнул пальцем в одного из диоферидов.

– Извини, Хранитель, – смешался Элиен, – но твои слова звучат странно для моих непросвященных ушей. Что было бы, если б я, уверенный, что ты в Тардере, избрал северную дорогу и не пошел в леса?

– Что *было бы* – о том не знаю. Знаю что *есть*. Ты здесь, я перед тобой, ты меня искал, ты меня нашел – чего еще надо?

Элиен ощутил в словах Леворго некую высшую правоту, превосходящую законы обычной логики.

– А надо еще поесть и поспать, – решил за Элиена Леворго. – Горох готов, с Крумом твоим наша корова чем-нибудь да поделится, постелим тебе на полу, но ты уж не обессудь – все барахло из тардерской обители вынести было тяжело, ограничились только вот тем. – Леворго кивнул на нишу, в которой угадывался шар. Диорх.

– А о главном? Что мне делать?

– О главном... Да не знаю я, что главное! Давай с утра разберемся, а? – Только сейчас Элиен заметил, сколь усталым и измученным выглядит его собеседник, сколь беспрочно бела его голова и сколь много морщин бежит от его глубоких мудрых глаз.

– Да, ты прав. Поутру поется веселее.

Только когда они позавтракали, когда Леворго раздал своим «браткам» множество ценных хозяйственных указаний и показал Элиену свои замечательные лесные уголья (последний раз, по его гордому замечанию, такая морковь родила пятьсот лет назад в Ите), они вышли на берег Кассалы, сели на просохший за ночь песок и Элиен смог получить то, за чем шел в Тардер.

Как только речь зашла о конкретном деле, Леворго переменялся. Голос его стал тверд, каждое слово блистало ясностью, которой позавидовали бы сами Уложения Айланга, в глазах светилась негибкая воля.

Совсем ничего не осталось в Хранителе Шара от того «стеклящика», который вчера за ужином болтал о поэзии Лида, а сегодня на прогулке – о сравнительных вкусовых качествах моркови и репы. Элиен видел перед собой воплощенные власть, достоинство, силу.

– Так. Первым говоришь ты и говоришь ты о битве на Сагреале. Говоришь все. Подробности. Что думал. Что казалось. О чем не думал. Чего не казалось.

Элиен не успел даже рта открыть, чтобы высказаться в том духе, что, дескать, Леворго наверняка все лучше него самого известно, как услышал:

– Ничего не известно. Повторяю, ничего. Ты должен рассказать все так, как если б ты был сотником, а я – сотинальмом. Ты даешь полный отчет. Я слушаю.

Элиен говорил очень долго. Леворго слушал, не перебивая, не переспрашивая, не подготавливая Элиена, когда тот затруднялся в подборе слов, и не выказывая никакого интереса к самым удивительным, с точки зрения Элиена, вещам. Так Элиен рассказал обо всем, и когда солнце уже давно перевалило в небе Точку Равновесия, заключил свою печальную повесть словами:

– Потом я хотел похоронить тело Гаэт рядом с Кавессаром, но оно истаяло в моих руках, как кусок льда. Кровавого льда.

Убедившись, что Элиен, по его мнению, закончил, Леворго спросил:

– А потом?

Пришлось пройти на словах весь путь до капища диоферидов. Сегэллак, Эллат, мелкое воинство, порожденное гобеленом, вяз, проросший из каштана, оружие Мудрого Пса Харрены, ночь страсти со статуей.

– Ты не сказал ни слова лжи, – разлепил наконец, казалось, уже навек слипшиеся губы Леворго. – Не той лжи, когда знают одно, а говорят совсем другое, а настоящей, воистину опасной лжи, когда видят и слышат одно, а понимают под этим нечто иное. Твой рассудок вибрирует вместе с гортанью, в твоих зрачках я вижу лик мертвого Кавессара и гибкий стан Гаэт. Хорошо. Теперь возьми своего коня в попутчики, возьми любой еды и оставь нас до завтрашнего утра. Тебе не дано видеть, как мы входим в Диорх.

Элиен был немного раздражен провололочкой и в глубине души раздосадован тем, что ему «не дано», но повиновался беспрекословно. Только отъехав на порядочное расстояние, он вспомнил, что так и не получил обратно меч Эллата, но возвращаться было неудобно. Оставалось надеяться, что в этих местах ему не понадобится оружие.

Когда на следующий день Элиен, тактично удалившийся ночевать на сорок полетов стрелы вверх по течению, вернулся, диофериды уже позавтракали и убирали со стола. Все молчали. Леворго, хмуро поглядев на безоблачное небо, знаком приказал Элиену следовать за собой.

Сели на вчерашнем месте. Леворго начал без каких бы то ни было расшаркиваний. Много из того, что он говорил, Элиену было хорошо известно. Сын Тремгора, однако, не сомневался в том, что Леворго отлично знал, что он знает, но раз говорил, значит, это было зачем-то нужно.

– История. О том, как и почему Хуммер дремлет, можешь прочесть у Сегэллака – не твоего наставника, а того, который жил на четыре века раньше. О том, где находится Тот, Кого Хуммер Лишил Значений, – у Лида, в «Гимнах». Ни тебе, ни Шету окс Лагину, ни Сармонтазаре это не поможет. Есть поэзия и есть действительность. Поэзия властвует над временем, действительность же не более, чем действительность. От борьбы Хуммера со Вторым в Сармонтазаре осталось куда больше осколков, чем полагал твой Мудрый Пес после победы над Эстартой. Есть Чудовища Хуммера, есть Воинство Хуммера, есть Чаша Хуммера. Урайн стал Дланью, Устами и Чреслами Хуммера. Как ему это удалось – либо позже, либо никогда. Тебе это скорее всего не пригодится. Сейчас Урайн постепенно учится владеть силой Хуммера, а точнее – Хуммер приспособливает Урайна под свою силу, как воин подтягивает седельные ремни. Лучшего сравнения не знаю. Битва на Сагреале была первой пробой сил. Если замысел Хуммера удастся, его воины, которые, кстати, называются «кутах», наводнят всю Сармонта-

зару. Что будет потом – не знаю. Но прежнего мира не будет. Будет то, что мы, люди, называем Злом.

Леворго помолчал.

– Воинство Хуммера. Кутах – сыновья Серебряных Птиц, пары Чудовищ Хуммера, живущих в Хелтанских горах. Яйцо они откладывают в Чашу, которая находится у слияния Ориса и Киада, в искаженном месте мира под названием Лон-Меар. Там оно зреет год, а после из него вылупляется кутах. Потом они относят его в Хелтанские горы и выкармливают. Кутах сейчас ровно шесть сотен, поскольку ни одного из них Кавессар не убил насмерть, а лишь временно раздробил. Этого уже достаточно, чтобы вместе с войском, состоящим из людей, покорить любой народ Сармонтазары. Вооружены гервериты, как ты видел, неплохо. Дальше будут еще лучше. Но когда появится на свет шестсот первый кутах, Ураин сможет нанести настоящий смертельный удар миру. В Чаше сейчас зреет Кутах над Кутах – крылатый птичечеловек, наделенный волей и разумом. Он сможет сам заправлять Воинством Хуммера, освободив Ураину руки для других темных дел.

У Элиена сразу возникла тысяча вопросов, но он не решился задать ни одного.

– Главное. Нужно уничтожить Чашу Хуммера, потому что она питает силой всех кутах. И во многом – Урайна. Он, по меркам Хуммера, пока что вроде младенца в утробе. Через Чашу как бы проходит пуповина, которая связывает Урайна и Хуммера. Через Чашу Хуммер передает Ураину все новые и новые темные искусства. Смотри. Сейчас станем птицами.

Леворго подмигнул Элиену, извлек буквально из ниоткуда и разложил перед ним листок снежно-белой кожи, разрисованный тушью семи цветов.

Элиен никогда не видел и даже не представлял себе более совершенной карты Сармонтазары. Вот Харрена, вся в зелени сосновников и дубрав, окаймленных узкой полосой желтых песчаных дюн. Вот бирюзово-синее море Фахо, вот медленноструйный Орис, рассекающий Сармонтазару на Северную и Южную, вот место его слияния с могучим Киадом.

– Мы здесь. – Леворго небрежно ткнул бронзовой иглой в синюю нитку, подписанную «Кассала». На карте вспыхнула зеленая искорка. – Чаша Хуммера – здесь.

В междуречье Ориса и Киада загорелся белый огонек. Карта была не из тех, что по десять авров распродают вольные торговцы. Карта явно была делом рук (и, видимо, весьма замысловатой магии) искушенных в своем ремесле географов древности. Не давая времени Элиену на демонстрацию изумления и восторга, Леворго продолжал:

– Чашу уничтожить – как нам с тобой по нужде сходить. Проще простого. Нужно только вычертить вокруг да около Знак Разрушения.

Одним уверенным взмахом иглы – словно бы ре-тарский каллиграф кистью – Леворго описал на карте двурогую дугу. Один рог дуги, нисходящий, начинался в том месте, где горела возле Кассалы зеленая искорка. Он тянулся на юг через Ре-Тар, пересекал Орис, Асхар-Бергенну, проходил через Магдорн и оканчивался на острове, возле которого было написано «Хеофор». В Харрене считали, что Хеофор – призрак, мечта, сказка. Но картографы древности, видимо, полагали по-другому.

Второй, восходящий, рог, в который плавно переходил первый вместе с поворотом к северу, шел через пустыню Легередан, в которой был особо выделен какой-то Город Пустоты, достигал Киада, поворачивал на северо-восток, проходил через Варнаг – мрачную столицу герверитов, – забирал еще чуть вверх и, перегнувшись к юго-востоку, оканчивался плавным полукружием прямо там, где была отмечена Чаша Хуммера.

Элиен ничего не понял.

– Понимать тут особо нечего, – добродушно проворчал Леворго. – Любой ре-тарский школяр поймет. Географическая магия. Ты пройдешь весь этот путь, не отклоняясь от дороги и не поворачивая назад. Если тебе это удастся, точнее – как только тебе это удастся и ты ока-

жешься здесь, – Леворго ткнул иглой в конец дуги, – Чаша разлетится вдребезги. Тогда Воинство Хуммера можно будет побороть.

– Я должен пройти всю Сармонтазару? – переспросил озадаченный Элиен.

– Да, – кивнул Леворго. – В твои годы я делал это довольно часто. Ничего особенного.

– И обязательно побывать в Тардере, Радагарне, Магдорне и даже в Варнаге?

– И даже в Лон-Меаре, о чем мне самому страшно подумать. И все это совершенно обязательно. – Леворго легонько постучал иглой по карте, на которой пламенел кроваво-красным Знак Разрушения. – Обязательно. Знак недаром проложен через все Величия Мира и недаром Чаша Хуммера стоит там, где стоит.

В этот момент к ним подошли двое диоферидов. Один нес меч, другой – щит Элиена. Леворго, бросив на них короткий взгляд, сказал, как почудилось Элиену, с легким смущением:

– Есть, правда, еще одна подробность, о которой не стыдно забыть за тридцать лет. Тиара Лутайров.

Элиен не совсем понял про «тридцать лет», но переспрашивать не стал.

Диоферида положили у ног Элиена щит, а Леворго принял у них меч.

– Вот посмотри. – Леворго привлек внимание Элиена к рукояти меча Эллата. – Видишь, с ним кое-что неладно.

Элиен в непонимании уставился на рукоять. Неладно. Рукоять как рукоять, удобная и крепкая. Что неладно-то? Все в порядке.

– Ах, молодость, молодость... – покачал головой Леворго. – На яблоко посмотри!

Точно. Раньше рукоять венчало резное яблоко из драконьего бивня. Теперь – неприметная шестисторонняя пирамидка черного камня. Тиара, какой венчают Холм после окончания игры в Хаместир.

– Увидел, орел, – вздохнул Леворго с облегчением. – Да, это Тиара, которую тяжело отличить от обычной. Но это Тиара Лутайров, и силы в ней побольше, чем кажется. Знак Разрушения должен быть прочерчен именно ею, а ты лишь провезешь ее от берегов Кассалы до западных окраин грютских степей. Если бы ты был девой, я бы вправил тебе Тиару в пряжку пояса, но ты воин. Значит, последнее, за что ты будешь держаться двумя руками перед лицом смерти, – меч.

Леворго был прав. Лучшего места для Тиары не найти.

– У тебя мало времени. Я не берусь судить с должной точностью, но мне кажется, что ты должен поспеть к началу зимы. Урайн явно не из тех, кто откладывает военные предприятия из-за погоды. Поэтому, как только вылупится шестисот первый кут, война придет в Харрену. И в Асхар-Бергенну. И в Варан. И, не исключено, в страны, имена которых скажут тебе не больше, чем клекот кречета. Поэтому ты должен спешить и помнить: сверяйся с картой ежедневно. Не отклоняйся от Знака. Урайн пока что не знает о географической магии, но он хорошо чувствует тебя. Ты нужен ему, Элиен. Помни об этом. Я знаю, что ты многого не понял и не все твои вопросы получили ответы. Сейчас у нас мало времени – каждый должен заняться своими делами. Поэтому возьми вот это. – Леворго протянул Элиену морскую раковину размером в ладонь. – Скажи в нее что-нибудь.

Элиен осторожно принял раковину и, поднеся ее к губам, произнес:

– Октанг Урайн – вонючая псина.

– Теперь приложи раковину к уху, – посоветовал Леворго, пряча улыбку.

Элиен последовал его словам и услышал тихий, но отчетливый шепот:

– Совершенно с тобой согласна.

Элиен с изумлением отпрянул от невиданной штуки.

– Да, да, говорящая раковина, – подтвердил Леворго. – Это не розыгрыш. Проку от нее меньше, чем кажется, но на многие вопросы она ответит не хуже меня. Развлечешься в дороге, если не найдешь лучшего попутчика. А теперь можешь сказать мне то, что забыл позавчера.

– Я слишком многое забыл позавчера, но еще больше я позабыл к сегодняшнему дню, – торжественно сказал Элиен, постепенно входя в роль спасителя Сармонтазары.

– Ну что же, тогда прощай, Неилэ.

Да, правда, он хотел ответить на обиду. Тогда – хотел. Теперь – нет. Но для потомка Кроза это ничего не значит.

– Прощай, Огровел.

Пути Звезднорожденных

565 г., Лето

Летом пятьсот шестьдесят пятого года Варнаг представлял собой огромный муравейник. И Ураин приложил все усилия, чтобы муравьи в этом муравейнике копошились как следует. С толком, с пользой и с величайшим усердием.

Тогда же над Варнагом впервые появились Серебряные Птицы. Они прилетели после захода солнца откуда-то с запада и, вздымая крыльями столбы пыли, сели за оградой царского дворца, в котором временно пребывал Октанг Ураин, дожидаясь постройки настоящей, достойной его величия, резиденции.

– Познакомься, Иогала, – сказал Ураин, выводя своего помощника навстречу Птицам.

Иогала уже успел немного привыкнуть к тому, что от Урайна каждый день надо ожидать какой-нибудь устрашающей новости. И все равно военачальник, остолбенев от неожиданности, застыл перед невиданными чудищами как вкопанный.

Птиц было две. Одна чуть больше, другая чуть меньше. Меньшая была длиной локтей в двадцать, а от земли до края иссиня-черного костяного гребня на ее голове было четыре человеческих роста. Вторая была по всем размерам больше на четверть. Гребень у нее был кроваво-красный.

Птицы имели мощные лапы с кривыми когтями, длинные хищные клювы и совершенно неподвижные желтые глаза, словно бы огромные чечевицы из морского янтаря. Если не считать разноцветных гребней, Птицы казались отлитыми из какого-то тяжелого металла и искусно разукрашенными мелкими серебряными чешуйками.

Перьев у них не было. Вместо перьев крылья были покрыты заходящими друг за друга длинными пластинками со все тем же серебристым отливом. Первое, что пришло в голову Иогале при взгляде на Птиц, – эти чудовищные порождения Хуммера никогда не смогут летать. Однако же они здесь, они откуда-то сюда прилетели и горе тем, кто познает мощь их исполинских клювов.

– С черным гребнем самка, с красным – самец, – деловито пояснил Ураин. – Самка откладывает яйца, из яиц выходят порядочные ублюдки. Самку я, пожалуй, назову... – Ураин помедлил, – ...Астахэ, а самца – Лакнатах.

Иогала, могучий воин, едва не лишился чувств; пальцы на левой руке свело судорогой; по становому хребту растеклась свинцовая тяжесть.

– Да, – продолжал Ураин, – ты прав, Иогала. Это страшные имена на Истинном Наречии Хуммера. Они означают Вопль Ужаса и Несущий Ужас. Я не ошибся в тебе – ты крепок. Многие люди могут обезуметь от этих слов. Если, конечно, их произношу я, а не торговец заговорами от гнилого поветрия и болотной лихорадки. Эти птицы будут нам очень полезны. Люби их, Иогала, иначе станешь прахом под их стопами.

Словно бы в подтверждение слов Урайна Астахэ нетерпеливо поскребла когтями по земле, оставив в ней глубокие неровные борозды.

– А теперь я должен покинуть Варнаг на два месяца. Ты остаешься здесь вместо меня. И запомни, Иогала: я вернусь не один. Я доверяю тебе, потому что если ты не оправдаешь мое доверие, те, кого я приведу с собой, всегда и везде смогут разыскать тебя и убить. Но мне не хотелось бы делать этого.

К прямолинейности своего господина Иогала тоже успел привыкнуть. Немного.

– Благодарю тебя, царь, – ответил Иогала с поклоном. И, выпрямившись, стараясь говорить как можно тверже, добавил: – Меня не придется разыскивать, ибо я всегда готов явиться по твоему первому зову.

– Я знаю, – покровительственно кивнул Урайн.

Глава 5

Герфегест

562 г., Двадцать второй день месяца Белхаоль

На пятый день пути Элиен увидел Башню Оно. Детище Эррихпы Древнего. Клык Тардера. Устрашение врагов. Башню в легкой дымке. Далекую и близкую. Еще день пути – и ворота Тардера распахнутся для него.

Эту ночь Элиен скоротал в сегрольне. Сегрольна была всем для усталого путника – кровом, спасением, отдохновением и радостью. И могла одарить его любыми человеческими радостями, если у того, конечно, имелись деньги. Сегрольна была и трактиром, и постоялым двором, и домом терпимости одновременно.

Элиен ограничился простым ночлегом. Оружие Эллата, Леворго, диоферида и напутствия, данные ему, как-то не вязались с плотскими радостями. Элиену было совсем не до них. А главное – тела местных шлюх казались ему недостойными воплощения Гаэт.

Гаэт... Леворго и слова не вымолвил по ее поводу... Это что, обыденное дело – любить дух, входящий в статуи?

Вместе с толпой людей, спешивших в город, Элиен проехал под высоченной аркой Ворот Эррихпы и вскоре течение вынесло его на базарную площадь, где кипела жизнь, принимавшая формы разнузданного веселья, мены, торго, ругани, заунывного пения. Мычали коровы, кудахтали куры, на разные голоса зазывали покупателей продавцы сластей и пряжи. Все это сливалось в мерный монотонный гул летнего базарного дня.

– Постой-ка, ласарец, ты не одолжишь мне три медных авра до завтрашнего утра? – Рядом с Элиеном обнаружился человек, выделяющийся среди всех огромным ростом и всклокоченной грязной бородой.

На нем был нагрудник стердогаста – одного из тех шакалов войны, что служат в коннице, стерегущей южную границу Ре-Тара вдоль Ориса. За его спиной виднелась двуострая секира. Головорез без страха и упрека. Элиен не любил таких, но заочно уважал, поскольку бойцами они были, по слухам, отменными.

– Нет, – отрезал Элиен.

Ему не было жаль трех медных авров. Его плащ, изумрудный плащ, нарезанный ленточками во время поединка с Эллатом, стоил, к примеру, в пятьсот раз больше. Элиен был равнодушен к деньгам. Зато неравнодушен к хамству.

– Как же так? – не желал отступаться стердогаст. – Ты не желаешь дать мне три медных авра? А ведь я могу взять и запросто заключить тебя, мальчик, под стражу. Как тебе такое?

– Никак.

Элиен легонько хлопнул Крума по бокам. Но в толчее не удавалось двигаться быстро. Не удавалось двигаться вообще. Элиен спешился и, расталкивая толпу, начал медленно удаляться с места едва ли приятного общения, ведя Крума под уздцы.

Человек, жаждущий трех медных авров, продолжал следовать за ним.

– Три медных авра и я, возможно, пожалею тебя, мальчик.

Элиен обернулся к вымогателю. Тот был выше его на голову и старше на десяток лет. И все-таки это не давало ему никакого права называть Элиена «мальчиком».

– Послушай, брат, мне недосуг пререкаться с тобой, – старательно выговаривая каждое слово, сообщил ему Элиен. – Иди себе подобиру-поздорову.

Элиен двигался к выходу со скоростью улитки, пробирающейся сквозь стог сена. Базарная площадь стала изрядно раздражать его своей разноголосой суетностью.

– Э нет, не годится отказывать Эрпореду! – Стердогаст стал поперек дороги и положил руку на плечо Элиена. – Ты вздумал мне перечить, не даешь мне денег и вдобавок не очень любезен. За это тебя следует очистить от выступающих частей.

Элиен с отвращением вдохнул глоток воздуха, смешанный со зловонием, исходящим от Эрпоред. Чеснок, гнилые зубы и дубленая кожа...

Элиен стряхнул руку стердогаста со своего плеча. Драться на базарной площади – занятие для низкородных. Он усвоил это с детства и не хотел отступать от своих принципов.

Поэтому, несмотря на то, что назвавшийся Эрпоредом был ему крайне неприятен, Элиен все же был полон решимости окончить дело миром. Возможно даже, в самом деле придется поделиться с ним презренными медяками.

– Не стоит, – сказал Элиен и достал монеты. – Возьми. – Он протянул их Эрпореду.

Монеты лежали на его ладони, словно милостыня. Маленькие, жалкие, потерянные. Во взгляде Элиена были лишь жалость и презрение.

Эрпоред понял чувства Элиена как нельзя лучше. Он ударил снизу по его раскрытой ладони. Авры упали в пыль. Упали под ноги, под копыта, упали не востребуемыми.

– Ты же сам просил их, отчего поступаешь столь странно? – Элиен был невозмутим.

– Не твое дело, мальчик. Я – стердогаст и должен оберегать порядок в Тардере. Немедленно отвечай, кто ты и зачем сюда прибыл. По тебе уже плачут стены нашей тюрьмы. Слышишь, как они плачут?

Эрпоред живо переключился с роли базарного вымогателя на роль блюстителя закона. На войне из таких, как Эрпоред, получают отменные мародеры.

– Я не обязан держать перед тобой отчет, – отвечал Элиен. – Не хочешь брать денег – ты их больше не получишь.

Он снова вскочил в седло и направил коня в образовавшийся ненадолго просвет между телегами, груженными овощами и грудями расписных глиняных тарелок.

Можно было назвать это позорным бегством. Можно было назвать сдержанностью. Элиену было все равно.

Но отделаться от Эрпоред. оказалось не так-то просто. У самого выхода с базарной площади он таки настиг Элиена. Похоже, намерения его стали более серьезными. Он все время оглядывался на двух стоящих поодаль молодчиков и делал им всяческие знаки, желая, видимо, впечатлить Элиена.

– Мальчик, наш разговор еще не окончен! – гаркнул Эрпоред. – Во-первых, мне очень нравится твой кошелек, а во-вторых, твой меч. И в-третьих, моим друзьям Тамме и Тимару – вон они стоят у колодца – очень интересно, какой парашей наполнена твоя голова. Ее содержимое может представлять опасность для нашего государства, – многозначительно заключил Эрпоред, подняв указательный палец.

Больше всего он был сейчас похож на юродствующего шута, которому господин приказал изобразить Эррихпу или, на худой конец, Эстарту.

«И вот его, Эрпоред. и его приятелей, я еще недавно жалел у Леворго, пытаюсь хотя бы отчасти оправдать трусость Неферналлама тем обстоятельством, что их жизни будут сохранены для блага Ре-Тара. Не стоило. Их жизни не стоят тех трех авров, что были с меня спрошены», – подумал Элиен, не останавливаясь.

– Кому говорят, мальчонка? Оглох, что ли?! – Эрпоред стал потихоньку свирепеть и наливать желчью, не желая мириться с невозмутимостью северянина, одетого в глухую броню безразличия.

– Скажи, отчего ты называешь меня мальчиком? – поинтересовался Элиен, глядя на Эрпоред. в упор.

– Да потому что ты не бреешь бороды, потому что у тебя меч Эллата, потому что я знаю, каким образом он тебе достался.

– Каким? – такой поворот разговора был для Элиена неожиданностью. Ему даже стало немного интересно.

– Ты, можно подумать, сам не знаешь. Эллат любит таких, как ты – ладных безбородых красавчиков. Они заменяют ему жен, которых у него, как известно, нет и никогда не было, – торжествовал Эрпоред, будто бы дотошный историк, раскопавший в архивах уникальную любовную переписку двух особ царского достоинства.

Пока Элиен размышлял над предложенной версией своих взаимоотношений с Эллатом, Эрпоред жестом подозвал своих компаньонов к месту событий. Те незамедлительно явились, ухмыляющиеся и трусоватые.

– Ладно, я не нанимался объяснять тебе что почем, слезай с коня и пошли куда скажу. Меч мне, сарнод мне. И попробуй только пискнуть, – перейдя на шепот, заключил Эрпоред.

Элиену стало совсем уже скучно и он твердо сказал:

– Хватит!

Меч Эллата выпорхнул из ножен. Его острие начертило на нагруднике Эрпоредов тот самый знак Тета, которым не так давно Мудрый Пес Харрены поприветствовал сына Тремгора. Знак Тета означал, что, имея Элиен намерение отсечь Эрпореду голову, он сделал бы это без сожаления.

А проворство, проявленное Элиеном в обращении с мечом, свидетельствовало о том, что голова Эрпоредов была бы отсечена не только без сожаления, но и без малейшего труда. Последнего обстоятельства Эрпоред не понял.

– Ах ты гаденыш! – взревел он.

Сразу же появились зрители. Толпа сгустилась на некотором удалении от дерущихся, образовав кривоватое полукружие.

Какой-то доброхот взял жеребца Элиена под уздцы и отвел в сторону. Тимар и Тамма тоже почли за лучшее оказаться на безопасном расстоянии от своего главаря и его молодого, но, видать, опытного противника.

Сверкнула секира Эрпоредов, с которой он управлялся едва ли хуже, чем ловкий Шет. С каких это пор такое оружие в почете у тардерских прохвостов? Но у Элиена не было времени на размышления. Эрпоред оказался весьма опытным бойцом.

– Ты, задний дружок Эллата, ты, сопливый выкормыш харренских блудниц, ты сейчас заплаатиш-ш-шь, – шипел Эрпоред, наступая. Глаза его налились кровью.

– За что, по-твоему, я должен тебе заплатить? – Меч Элиена, доселе лишь уклонявшегося, в первый раз скрестился с древком секиры.

– За свою гладкую харренскую рожу! – изрыгнул из себя Эрпоред и нанес Элиену удар в бедро.

Замешкавшийся Элиен не смог отразить его как следует и на землю брызнула первая кровь. Кровь рода Акретов.

В этот момент Элиен почувствовал себя по-настоящему взбешенным. Он подался вперед в глубоком выпаде, называемом у него на родине «итским мостом», но не достиг цели. Несмотря на свой огромный рост, Эрпоред выказал завидную подвижность.

Народ, собравшийся вокруг, улюлюкал и кричал, подбадривая поочередно то одного, то другого противника. Из этих выкриков нельзя было установить, кому принадлежат симпатии толпы, да Элиен и не собирался этого делать.

Эрпоред же вел себя так, словно он и герой, и состоявшийся победитель, и вообще всеобщий любимец. Секира Эрпоредов просвистела у самого уха Элиена. Но чересчур увлекшись нападением и собой, всеобщим любимцем, Эрпоред совсем забыл об осторожности.

Он подался слишком далеко вперед и подставил мечу Эллата свой оставленный без нагрудника бок. Это стало роковой ошибкой Эрпоред. Элиен не упустил удобного случая, и его меч вошел в печень стердогаста. Тот рухнул на землю, исторгая проклятия и харкая кровью.

Элиен отер меч о край плаща. Кольцо зрителей сужалось вокруг него и поверженного Эрпоред, грозя в своем ненасытном любопытстве растоптать все и вся. Еще чуть-чуть и...

«Ух-х», – толпа отхлынула на два широких шага; это Элиен очертил мечом «неприкосновенную землю». Таково право победителя, и он не намерен отступать от своих прав.

Он склонился над Эрпоредом. Борода его алела смертью, руки были раскинуты словно крылья птицы, а пальцы скрючились, выпустив на волю древко варанской секиры. «Шет окс Лагин никогда не расставался с такой, – подумал Элиен. – Интересно, в тот день, когда посольство было захвачено Урайном, секира была с ним?»

Элиен перевернул Эрпоред и задрал его пропитавшуюся потом и кровью рубаху. У этого сердце, как ни странно, было. Слабое утешение, но все-таки, пожалуй, утешение.

Отряхивая пыль со своей одежды, Элиен сел на коня и под одобрительный рокот зевак направился прочь от места, где лежал поверженный Эрпоред. Сын Тремгора не знал, куда следует ехать, ведь в Тардере он был впервые. Но был совершенно уверен в том, что ехать необходимо.

Эрпоред навел Элиена на грустные мысли. Не случайная встреча. Не случайный поединок. Секира Эрпоред сегодня могла допьяна напиться крови рода Акретов.

– Милостивые гиазир! Перечные лепешки и аютское вино! Милостивые гиазир! Олень жаркое! Ни одного клопа в наших постелях! Ни одной недоступной красавицы в нашем постоялом дворе! И отменные перечные лепешки!

Голос зазывалы манил и увещевал. Голос переливался на разные лады. «У Каты Толстого» – так назывался постоялый двор, у крыльца которого Элиен натянул поводья своего жеребца.

– Ни одного клопа, говоришь? – переспросил сын Тремгора с поддельным недоверием.

– Ни одного! Клянусь ногой того барана, что был зажарен сегодня у нас на кухне, милостивый гиазир, – браво отвечивала зазывала.

– И ни одной недоступной красавицы?

– Ни одной, разве что я, – зазывала расхохотался.

– И олень жаркое?

– Так и есть, милостивый гиазир.

– Но ты же говорил, что зажарили барана?

– Как есть сбредал про олень жаркое. То баран был. Да ведь оба рогатые! – пуще прежнего расхохотался зазывала.

– А вино?

– Ну это, милостивый гиазир, вам лучше самому проверить, – сказал тот, берясь за поводья Крума, которые бросил ему Элиен.

Элиену понравился и сам зазывала, и заочно весь восхваляемый им постоялый двор, который занимал промежуточное положение между дорожной сегрольной и представительной гостиницей для знати.

К числу несомненных достоинств этого заведения можно было отнести его изрядную удаленность от рыночной площади. Наверняка там сейчас все, кому есть до этого дело. Решают, как лучше поступить с телом Эрпоред и стоит ли предпринять поиски загадочного северянина? Или стердогаст сам виноват в попрании Права Народов и о северянине можно забыть?

Расположившись на массивной дубовой лавке, Элиен заказал себе пресловутого оленьего жаркого и кувшин вина из ягод терна. Хозяин, который, видимо, и являлся тем самым Катой Толстым, деловито отирая руки о передник, пообещал доставить все «в один момент».

Первым принесли вино. Жаркого нужно было обождать. «Длинноват выходит у них один момент», – подумал Элиен, прихлебывая вино в полном одиночестве.

Но одиночество его скоро было нарушено. На скамью рядом с ним опустился человек в сером плаще из козьей шерсти. Длинноволосый, безбородый. Последнее обстоятельство дало Элиену повод заподозрить в нем земляка. Или по крайней мере не заподозрить в нем стердогаста.

Взгляд незнакомца был живым и теплым, руки – ухоженными и белыми. На указательном пальце красовался перстень, который, будь Элиен хоть немного ювелиром, он оценил бы по меньшей мере в тысячу золотых авров.

Незнакомец был человеком явно не бедным, несмотря на невзрачность своей одежды. Он был старше Элиена, но годился ему скорее в дядья, чем в отцы. А возможно, сумеречный воздух таверны заставлял его казаться старше своих лет.

– Эй, хозяин, два кувшина молодого акийорского! – сказал незнакомец, приветственно кивнув сыну Тремгора.

Элиен внимательно всматривался в лицо человека, пытающегося завязать с ним знакомство. Но он ничего не мог прочесть на нем. Ни угрозы, ни своекорыстия, ни честолубия. Только учтивость и дружелюбие. Этого, впрочем, было не так уж мало.

– Мне имя Герфегест, – представился человек.

Элиен назвал себя и выжидающе взглянул на собеседника. Толстый Ката принес заказанное Герфегестом акийорское и тот, пригубив вина, заговорил.

– Сегодня утром я стал очевидцем твоего поединка с Эрпоредом. Я был среди зрителей, но вряд ли, Элиен, ты видел меня.

Элиен согласно кивнул. Ему и не приходило в голову всматриваться в толпу зевак. Ему некого было искать среди них.

– Я знаю цену Эрпореду и его друзьям, известным в Тардере вымогателям и хамам.

Элиен кивнул еще раз. Было бы странным, начини незнакомец сейчас объяснять Элиену, каким замечательным воином и честным гражданином был убитый им задира.

– Но ты, разумеется, не нуждался в моей помощи, когда проткнул его печень. – Герфегест сделал паузу, чтобы Элиен мог получше обдумать сказанное, хотя обдумывать было особо нечего. – Ты не нуждаешься в ней и сейчас.

– Это верно, – подтвердил Элиен.

– Ты не хочешь, чтобы тебе помогли советом. Ты силен, независим и горд. К чему тебе это?

Элиен никак не мог взять в толк, куда клонит Герфегест.

– Однако дело в том, что я как раз собираюсь помочь тебе советом. И если ты будешь столь любезен, если согласишься оказать мне помощь, то есть поможешь осуществить мое желание, которое заключается в том, чтобы помочь тебе, я буду благодарен и вдобавок дам тебе один никчемный совет.

– Если это доставит тебе удовольствие, я с удовольствием выслушаю твой совет. Однако заранее не могу обещать, что последую ему. Идет?

– Идет. – Элиен и Герфегест в шутку ударили по рукам, словно бы за провонявшимся луком столом таверны только что был продан племенной жеребец из царского табуна.

– Вот каков он, мой совет: немедленно уезжай из Тардера.

Элиен не знал что ответить и нарочито медленно отпил вина из кувшина.

– Ты помнишь дружков Эрпоредов – Тимара и Тамму?

– Смутно.

– Тимар выследил тебя. Насколько мне известно, сегодня ночью к тебе собирается с визитом вся казарма стердогастов, у которых Эрпоред был сотником.

– Откуда тебе, Герфегест, известно об этом? Не ты ль один из них?

Герфегест пригубил вина и ответил.

– Если тебе интересно, человек ли я, отвечу: да, я человек, и в этом смысле я один из них. Если тебе интересно, не стердогаст ли я, отвечу: нет. Ты волен верить мне или не верить. Ты выполнил мою просьбу и выслушал меня. Спасибо тебе, Элиен. Прощай.

Герфегест коснулся руки Элиена, покоящейся на столе. Прикосновение это было мимолетным и легким. Но его хватило, чтобы Элиен почувствовал теплоту кожи своего собеседника и вдохнул тонкий аромат амиды, исходивший от плаща его нового знакомого.

Не успел Элиен опомниться, как Герфегест встал со своего места и направился к выходу из трактира. На крыльце тот задержался на чуть, чтобы расплатиться с толстым Катой, раболопски лопочущим что-то себе под нос. Элиен медлил.

Но вот что-то поднялось из самых глубин его «я». Не головоног ужаса, нет – иное.

Порыв захватил Элиена без остатка. Он вскочил из-за стола и опрометью бросился прочь из трактира к коновязи, где по его предположению еще не успел простыть след Герфегеста.

– Герфегест! – крикнул он в темноту двора.

Крикнул еще раз. Но ему никто не отозвался. Коря себя за горячность и за глупость одновременно, Элиен побрел обратно.

Тишину ночи нарушали лишь приглушенные крики. Пирушка, нашедшая себе приют под крышей таверны, была в самом разгаре. Шелестела листва, в отдалении фыркали кони. На плечо Элиена легла чья-то рука. Запах амиды.

– Ты звал меня, Элиен? – спросил Герфегест.

– Я уезжаю, – твердо сказал Элиен. – Быть может, ты подождешь, пока я заберу вещи из комнаты и мы поговорим еще немного в каком-нибудь другом месте?

– Я весь ожидание. – Герфегест артистично развел руками, что должно было означать и готовность, и радушие одновременно. – Это хорошо, что ты поверил мне. Только имей в виду – у тебя в распоряжении очень мало времени. Я велю седлать твоего жеребца.

Когда Элиен спускался по лестнице во двор, он услышал до боли знакомый лязг стали и, уже догадываясь, что увидит на улице, обнажил меч Эллата.

Герфегест дрался сам-два. Тимар и Тамма – это были, конечно, они – орудовали двумя секирами, стараясь достать гибкого, как ласка, Герфегеста.

Такого сын Тремгора не видел никогда в жизни. Бешеная пляска двух секир и подвижный, изворотливый человек, в каждый неделимый момент времени словно бы вписанный единственно возможным, умопомрачительным образом в стальную переплет смерти.

Удар. Секира должна была неминуемо раскроить ему череп, но в последнее мгновение Герфегест едва заметно подался вбок. В двух пальцах от его бедра брызнуло щепками бедро коновязи. В тот же момент перепуганный Крум, рядом с ухом которого прогудело недоброе лезвие, гневно заржал и наградил Тимара (или Тамму? – на них не написано) страшным ударом задних копыт. Элиен поймал отлетевшее тело на клинок. Одним меньше.

Все изменчиво. До этого их было двое против одного, а теперь остался один против двух. Стердогаст повернул к Элиену перепуганное лицо. Наступило время Герфегеста.

Спустя несколько секунд обмякшее тело второго героя с филигранно свернутой головой было бережно опущено Герфегестом в навоз и пыль постоянного двора.

Пути Звезднорожденных

565 г., Двадцатый день месяца Гинс

Мрачные ущелья Хелтанских гор, на дно которых никогда не заглядывает солнце.

Мир здесь был *изменен*, изменен еще страшнее, чем в Сумеречном Лесу. Простой смертный не смог бы отыскать дороги сюда, как никогда не вышел бы живым из Лон-Меара. Простой смертный, но не Звезднорожденный.

Ураин без колебаний шел вперед. Он знал, что тропа под его ногами, тропа, задерживающаяся страшной огненной зыбью, тропа, скользкая змеей и неожиданно выворачивающая к нему отвратительную гнилозубую пасть, тропа, порой выскакивающая на гребень скалы, острый, как заточенная во сто крат тоньше волоса сталь клинка, – единственный путь к его цели и кроме него есть в мире только два человека, способных пройти ее до конца.

Воздух здесь был горек, как полынь, и с каждым вздохом, казалось, раздирал легкие на тысячи клочьев. Серьга в ухе Урайна сияла крохотным изумрудным солнцем. Ее свет порою был единственным, что озаряло его дорогу.

На некоторых участках тропы царила крошечная мгла. На других обитали обманчивые призраки, безмолвно склонявшиеся к земле при появлении Урайна, Длани Хуммера. Кругом стояла полная тишина, как и в Сумеречном Лесу.

На тропе ничему нельзя было удивляться. Ураин не удивлялся. После Лон-Меара он навсегда разучился удивляться. Поэтому когда тишину разорвал громopodobный раскат, Ураин и бровью не повел.

Он не знал, как именно должно выглядеть то место, куда он направляется. Он не знал, что укажет ему на достигнутую цель. Но когда рокот усилился и отвесная скала слева от тропы, дав трещину, начала разъезжаться в стороны, он понял, что достиг своей цели.

Ураин вошел в расширяющийся проем. Зеленый камень в его серьге засиял ярче солнца.

Казавшаяся доселе совершенно цельной скала скрывала в своем чреве огромную пещеру. Ее идеально отполированный пол уходил вверх ступенчатыми уступами, словно сиденья для зрителей в харренском театре. А на каждом уступе неподвижными изваяниями, сидя по-птичьи, застыли Воины Хуммера.

Они глядели перед собой невидящими глазами, напрочь лишенными век. Кутах. У ног каждого – изогнутый серповидный меч. Коготь Хуммера.

Стены пещеры слева и справа от Урайна были сплошь исписаны чьим-то огненным перстом. «Чьим-то», – мысленно ухмыльнулся Ураин. Высокие столбцы оплавленных знаков Истинного Наречия Хуммера.

Ураин охватил все написанное двумя цепкими взглядами. Направо и налево. Так. Понятно. Мог бы изъясняться и покороче.

В углу на каменной тумбе лежал обруч с таким же серебристым отливом, как и тела кутах.

Ураин подошел к нему, помедлил полмгновения и, отбросив прочь остатки нерешительности, надел его на голову. Перед глазами поплыл молочно-белый туман. Ураин почувствовал, как растворяется ткань его багряного плаща, выворачиваются назад колени, нос удлиняется и образует единое целое со ртом...

Когда зрение его прояснилось, все цвета показались ему оттенками серого. Тогда Ураин понял, что не ошибся. Он расхохотался – шестьсот глоток кутах издали дикий переливчатый рев.

Ураин встал – шестьсот кутах разом поднялись и выпрямились в полный рост. Ураин наклонился и поднял шестьсот мечей, лежавших перед ним. Они были тяжелы, остры, при-

ятны на вид и отлично сидели в руке. С рождения он – шестьсот кутах – не видел ничего лучше. И ему не хотелось ничего больше, кроме как распороть мечами теплую плоть и, вырвав сердца врагов, утолить их теплом вечный холодный голод, сжигающий его тело – шестьсот тел – изнутри.

Теперь Урайн был многорук, многоног, многоочит. Управляться со всем этим богатством оказалось не так-то просто. Он попытался переместиться на несколько шагов крайним левым кутах и понял, что ощущает сколопендра, решившая почесать двухсотой ножкой двести первую так, чтобы все остальные при этом остались неподвижны.

Целая колонна кутах, сталкивая друг друга вниз, полетела вниз по каменным уступам. Он попробовал еще несколько раз и только с седьмой попытки отдельно взятый кутах смог выкарабкаться из-под груды навалившихся на него тел и сделать несколько самостоятельных шагов.

С двумя дела обстояли уже хуже, но в конце концов двое кутах смогли встретиться внизу у выхода из пещеры и поглядеть друг другу в глаза. Потом хлопнуть в ладоши. Потом один присел, а второй взобрался ему на плечи. Сидевший выпрямился. Стоящий у него на плечах подпрыгнул. Да, таких игрушек у Урайна в детстве не было.

Потом уже трое кутах подошли к телу в багряном (Урайну он казался темно-серым) плаще, распластанному у каменной тумбы. Дико было видеть себя самого, лежащего вот так, замертво, и глядеть на себя же несколькими парами чужих глаз. Настолько дико, что один из кутах наклонился и снял обруч с головы лежащего тела.

Перед глазами опять поплыл молочный туман...

Когда обратное воплощение завершилось, Урайн встал с каменного пола. Рядом с ним неподвижно застыл кутах, держащий в руках серебристый обруч.

– До Порядка и Блага еще далековато, – пробормотал Урайн, похлопав кутах по ледяному плечу, – но для первого раза неплохо. Очень неплохо.

565 г., Осень

С Хелтанских гор спустилось и быстро двинулось на восток давно позабытое Сармонтазарой воинство. Пятьсот серебристых существ длинной цепочкой в затылок друг другу шли через леса, через реки и горы. Двухсот пятидесятое существо, находящееся в центре колонны, несло на своих плечах бесчувственное тело человека. На человеке был длинный багряный плащ и серебристый обруч. Еще сотня птицелюдей шла впереди, выстроенная полукругом.

И все, что видели они, что видели идущие в основной колонне, видел Октанг Урайн. Он вполне привык управляться со своим новообретенным воинством. Кутах шли споро и уверенно, словно единое существо о шести сотнях тел.

Но кутах голодали.

На третий день разведчики, идущие впереди, учуяли поселение. Над крышами низких, полуутопленных во мшистой земле домов, курились дымы, флегматично редела скотина, на небольших, огороженных жердями подворьях, заходились лаем собаки. Они унюхали кутах издалика.

Колонна перестраивается, кольцом охватывая деревню. С телом Урайна остаются двое. Раздается беззвучный приказ и кольцо быстро схлопывается. Некоторое время слышны испуганные крики, рычание собак, детский плач. Потом над ночной деревней воцаряется полная тишина.

С рассветом кутах уходят, а в лесу в двух лигах от деревни остается большая яма, засыпанная свежей землей.

В этой деревне жили гервериты. И во второй, через которую Воинство Хуммера прошло спустя два дня. И в третьей.

И ни в одном из селений, в которых кормились кутах, не осталось свидетелей их кровавых трапез.

Глава 6

Переправа

562 г., Седьмой день месяца Алидам

С тех пор как Элиен и его новый знакомец покинули Тардер, прошло тринадцать дней. Дороги Ре-Тара ни в чем не уступали харренским, а Тракт Таная, который пересекал всю страну с севера на юг, считался вообще лучшей дорогой Сармонтазары. Четыре серпоносные колесницы в ряд могли лететь по нему быстрее птиц – и это чистейшая правда, подтвержденная Ретарской войной.

Элиен спешил воспользоваться Трактом, пока тот совпадает со Знаком Разрушения. Каждый день они с Герфегестом покрывали двухдневную норму, предписанную конному войску Уложениями Айланга. Крум чувствовал себя превосходно, лошадь Герфегеста – тоже. Оба были отменными грютскими скакунами, до которых ре-тарским лошадям было очень далеко. Они, кажется, подружились.

Элиен считал, что погоня стердогастов им больше не угрожает. Однако Герфегест, видимо, придерживался другого мнения. Иногда при сильном северном ветре он останавливался и с таким выражением лица, словно читал старинный трактат о поваренном искусстве, втягивал носом воздух. Иногда ему удавалось учуять что-то, одному лишь ему ведомое, и тогда Герфегест недовольно качал головой.

Элиен догадывался, что тот опасается погони стердогастов, но предпочитал помалкивать. Сын Тремгора уже привык к тому, что Герфегест сам решает, когда и о чем нужно говорить. Если Элиен начинал какой-то разговор, который Герфегесту был неинтересен, то слышал в ответ одни лишь загадки.

Так, спросив однажды напрямую, кто он такой, Герфегест, и чем промышляет, Элиен услышал: «Я – Герфегест, носящий также кое-где имя Тофа, а промышляю я удовольствием».

В другой раз Элиен осведомился, какие дела гонят Герфегеста на юг, в землю грютов. Тот ехидно покосился на него и сказал, что Элиен сейчас как две капли воды похож на наставника, который его, Герфегеста, в детстве сильно поколачивал.

На третий день, запершись в отведенной ему комнате в очередной сегрольне, Элиен спросил у раковины Леворго, кто таков, по ее мнению, Герфегест. «Есть разница?» – философически ответила вопросом на вопрос раковина и Элиен совсем пал духом.

Чтобы не морочить себе больше голову, Элиен решил, что Герфегест – контрабандист, промышляющий торговлей запрещенными усладительными зельями. В Харрене с такими разговор был суровый и короткий, поэтому сын Тремгора больше к этому вопросу не возвращался.

Так или иначе, с Герфегестом ехать было определенно веселее, чем одному.

Каждое утро Элиен, уловив удобный момент, сверялся с картой. Он уже давно заметил на ней крохотное изображение меча, которое, как нетрудно было догадаться, перемещалось по карте в точности так, как Элиен перемещался по Сармонтазаре. За мечом на зелени ре-тарских полей оставалась рваная черная борозда. Впереди уходила на юг красная дуга, столь небрежно и столь изящно очерченная Леворго.

Пока что все шло очень хорошо. Даже лучше, чем Элиену того хотелось. Чем сейчас занят Урайн? Где его пресловутые ловушки? Способен ли он распространить свое магическое могущество до Тракта Таная или нет?

Элиен пребывал в постоянном напряжении. Ночами, во время короткого отдыха в сегрольнях, он не расставался с оружием, просыпался от каждого шороха и однажды до смерти пере-

пугал одного из постояльцев, которому вздумалось выйти среди ночи по нужде, причем по возвращении его угораздило перепутать двери.

Бедолаге повезло. Над его ухом среди ночи завис меч Эллата и только благодаря железной выдержке Элиена клинок не прошел последних двух роковых пальцев. Невинно пострадавшего пришлось задобрить деньгами.

И только однажды сегролна подарила Элиену наслаждение. Только однажды.

Ближе к вечеру разразился чудовищной силы град. К счастью, когда первые горошины льда пронзили мутный воздух Тракта Таная, предусмотрительные Элиен и Герфегест уже пили хмельной напиток из кобыльего молока в сегрольне.

Вдруг дверь открылась и вошли двое. Старик и девушка. Они сели за соседний стол.

Герфегест не обратил на вошедших никакого внимания, зато Элиен не сводил глаз с вошедшей девушки. На вид ей было не больше пятнадцати. Ее волосы и одежда были мокры. Рыжие локоны спускались на ее хрупкие плечи змееобразными прядями. Она вся дрожала от холода и с ее точеного носика то и дело скатывалась очередная капля.

Старичок, судя по разговору, обрывки которого долетали до Элиена, приходился ей дядей. Они следовали на ярмарку, которая обещала быть в одном из соседних селений. Старик звал девушку Теллой, а она его «любезным дядюшкой».

Телла была высока и худа, быть может, даже излишне, глаза ее были грустны, словно осеннее утро, а в манерах было что-то от изнеженной жрицы. Она не была ни вульгарна, ни многословна, и спустя некоторое весьма непродолжительное время, за которое вошедшие успели скромно отобедать, Элиен почувствовал к ней особого рода влечение, которое начало настойчиво искать себе выхода.

Элиен не знал, насколько доступна понравившаяся ему девушка, но отказываться от своих намерений ему не хотелось. Он позвал трактирщика и за небольшую мзду поручил ему узнать у опекуна Теллы, не уступит ли он племянницу на один, всего лишь на один вечер.

Сально улыбнувшись, трактирщик побежал вверх. Туда, где располагались в снятой комнате Телла и его дядя. Вскоре он вернулся. Его лукавый прищур говорил больше, чем любые слова.

Телла оказалась милой девушкой. В меру скромной, в меру глупой, в меру изящной. Быть может, только слишком наивной. Волосы ее отливали медью, а глаза были цвета весеннего луга.

Для начала она спела Элиену одну из песен, какими обычно созывают народ на ярмарке, затем она болтала о том о сем – о здоровье маменьки, о прошлогоднем неурожае. Бедняжка, похоже, имела весьма смутное представление о том, за что столь знатный и мрачный на вид воин заплатил ее дяде так много золотых монет.

Затем Телла танцевала, плавно покачивая своими худыми бедрами из стороны в сторону. Обаятельно смеялась и снова несла чепуху. «Похоже, она действительно понятия не имеет, зачем она здесь», – подумал Элиен.

Телла понравилась Элиену. Даже слишком. Но на вопрос «что делать дальше?», ни она, ни Элиен не могли дать вразумительного ответа. Слишком странным было бы предаваться любви с молодой особой, которая, похоже, понятия не имеет, откуда берутся дети.

– Сколько тебе лет? – спросил наконец Элиен, взяв в плен ее маленькую руку.

Ответ удивил его – ей не было даже четырнадцати. В харренских землях достигшими брачного возраста считались лишь шестнадцатилетние.

– Ложись! – Элиен довольно грубо указал Телле на ложе, застеленное овчиной.

Девушка была покорна его воле. Ее глаза смотрели на воина с плохо скрываемым любопытством. В них не было ни желания, ни страсти, ни даже страха.

Элиен вынул из сарнода браслет из черных камней. Браслет Гаэт.

– Милостивый гиазир, ты снова подарил мне жизнь, – сказала Гаэт, приподнимаясь на ложе, и ее полные губы обнажили ровный ряд белоснежных крупных зубов.

Элиен молчал. Он не смог поймать тот миг, когда совершилось столь чудесное превращение. Телла исчезла. Вместо нее на желтых кудрях овчины лежала Гаэт.

– Гаэт, – прошептал Элиен.

Одежда слетела с него, словно с клена – добыча осеннего ветра. Гаэт, в отличие от исчезнувшей Теллы, была раскована, опытна и горяча. И вот уже два тела сплелись на ложе в ожидании глотка вечности. И бревенчатые стены грязной комнаты деревенской сегролны превратились в жертвенное капище, где вершится священный обряд любви.

Элиен не помнил, сколько раз за эту ночь их объятия оканчивались удвоенным стоном. Он не помнил, когда и как исчезла Гаэт. Но он помнил, как перед самым рассветом она прошептала ему в самое ухо фразу, смысл которой он сумел понять лишь спустя несколько дней.

– Бойся медленнотруйного Ориса. Бойся тихой воды под замшелыми бревнами, – сказала Гаэт и растаяла в утренней дымке, оставив в объятиях Элиена вконец обессилившую двенадцатилетнюю женщину. Браслет лежал рядом. На нем оставалось четыре камня. Всего лишь четыре.

Только через одиннадцать лет сын Тремгора узнал о том, что Телла умерла спустя два дня после их встречи. Но и тогда он не пожалел о случившемся...

Элиен и Герфегест оставили Тракт Таная на востоке и углубились в лес по одной из многочисленных троп, на которых изредка можно было встретить крестьянина с вязанкой дров или пугливую косулю. Последние, как правило, сразу же становились жертвами Герфегестовых стрел. Им нужна была еда, а о сегролнах в этой глуши не приходилось и мечтать.

– Где-то здесь должен быть мой плот, Хуммер его пожри, – недоумевал Герфегест, расхаживая по колено в застоявшейся воде среди высоких тростников, которыми глухо поросли берега медленнотруйного Ориса.

– Все-таки ты недобрый человек, – дружелюбно заметил Элиен, жуя травинку. – Добрые люди не прячут плотов по плавням. Они едут в Нелеот, платят пошлину и перевозчик везет их куда душа пожелает.

– Ты, добрый человек, помог бы мне лучше плот отыскать, а то до утра ведь провозимся. Ты ведь, кажется, так спешишь, что твоя собственная тень отстала на полпути и валяет девок в какой-нибудь сегрольне.

Элиен отшвырнул травинку. Он поднялся, предвкушая воду, хлюпающую в сапогах, и серебристые молнии водобегающих пауков, когда Крум, мирно пощипывавший траву рядом с кобылой Герфегеста, вдруг взвился на дыбы и негодуя заржал.

Серебристые молнии... Почему он подумал о серебристых молниях? Может быть, потому, что в небе с востока на запад пронеслась удивительно крупная падающая звезда? Какая-то странная, двойная падающая звезда, которая к тому же не упала.

– Эй, Герфегест! – крикнул Элиен.

Молчание. Безветрие. Никакого намека на шорох в тростниках. Уже не вечер, но еще не ночь.

Позвать еще раз? Глупо. Если это шуточка, то это очень гнилая шуточка. Элиен может звать хоть двадцать раз, негодяй все равно не отзовется, а потом выскочит, гукая что-нибудь нечленораздельное, и тогда Элиен крепко поколотит негодяя. Но если это не шутка, то...

По спине Элиена пробежал отвратительный холодок. Только бы не стрела. Это так обидно – стрела в затылок. Никаких шансов даже для Первого Меча Харрены.

Со всех сторон поляну обступали деревья. До ближайшего края леса – шагов пятьдесят. И непроглядная стена камышей. Можно получить стрелу откуда угодно. Очень неудобно и глупо

топтаться вот так, закрывшись щитом, выставив меч в оборонительной стойке и ожидая, когда некто (или нечто?) решится на нападение.

Крум заржал еще раз. Жеребец Элиена и кобыла Герфегеста бросились к реке. Ну а ему, Элиену, куда броситься?

Из леса вылетело метательное копьё и уткнулось в землю у ног Элиена. Слабовато бросили – не умеют или не хотят? Вслед за первым с разных сторон вылетело еще около двух дюжин. Бросали опять словно бы нехотя, но от некоторых все же пришлось уклониться. Одно из копий со звоном ударилось о щит Элиена с такой силой, что сын Тремгора с трудом устоял на ногах. Тяжелые копы.

– Брось оружие, северянин! – заорали из леса на ре-тарском. – Мы свое уже бросили!

Вслед за этим по всей округности поляны раздался гогот.

Элиен облегченно вздохнул – стердогасты. Потом припомнил, как непросто было одолеть одного Эрпоред, и подумал, что если стердогастов столько, сколько копий, а именно это они и хотели сказать своим обстрелом, то шансов у него практически никаких. Утешало разве вот что: пожелай они его убить, уже давно убили бы – от двух дюжин копий может увернуться только ветер.

– Оружие мне слушать не мешает! Говорите, чего надо! – крикнул Элиен.

Стердогасты опять загоготали и вышли из леса, подковой охватывая Элиена.

– Где твой дружок, грютская гадюка? – спросил один из них, наверное, большой друг покойных Эрпоред, Тимара и Таммы.

– Сбежал, – безразлично ответил Элиен. Он не сомневался в том, что Герфегест им неинтересен, а главную ценность представляет он сам.

– Если пойдешь с нами, останешься жив, – посулил стердогаст.

– Вы тоже будете живы, если уберетесь немедленно.

Стердогасты подходили все ближе и убираться никуда не собирались. Копий у них не было, луков скорее всего тоже. Насколько позволяла видеть молодая луна, восходящая над лесом, все стердогасты были вооружены варанскими секирами.

Элиен быстро воткнул меч в землю, схватил первое подвернувшееся копьё и, вложив все силы, метнул его в самого болтливого из стердогастов. Тот, кажется, этого не ожидал. Копьё раздробило ему правое бедро, и он упал, заливаясь криком и кровью.

Остальные бросились бегом к Элиену. Он успел метнуть еще два копы, столь опрометчиво предоставленные в его распоряжение стердогастами, успел отрубить третьему копы наконечник – вышла вполне подходящая палка – и вступил в рукопашную схватку.

Щит в таком бою служил лишней обузой. Элиен швырнул его, как метательный диск, в тех, кто заходил со спины. В левой руке сына Тремгора была палка длиной в человеческий рост, в правой – лучший меч Сармонтазары. Не так мало против двадцати забияк и все-таки мало.

Припав на одно колено, Элиен достал первого «итским мостом». На этот раз получилось то, что не прошло на базарной площади Тардера.

Противник прохрипел всякую всячину на гордом наречии Эррихпы и выронил секиру. Воспользовавшись его обмякающим телом как большим щитом, Элиен защитился от нескольких ударов, огрел по ногам древком одного особенно вертлявого, а другому обрубил секиру вместе с правой кистью – пусть расслабляется.

Противников было так много, что они не могли реализовать сразу свое численное преимущество. С Элиеном одновременно имели возможность драться разве что трое. Но пока трое работали, остальные отдыхали, а если кто-то уставал или, раненый, выходил из боя, его место тут же занимал другой.

Элиен хорошо начал, выведя из строя пятерых и вскоре шестого – того он просто пронзил насквозь. Однако потом стало труднее; стердогастам явно должно было хватить сил до самого утра, а Элиену – самое большее до полуночи.

Неожиданно один из отдыхавших стердогастов вскрикнул и упал. В его шее дрожала стрела.

Элиену было не до него, но когда упал второй, не обращать внимания на стрелы стало невозможно. Его противники вышли из боя и откатились назад. Тотчас же был поражен третий.

Стрелы летели откуда-то со стороны Ориса. Стердогасты побежали. Прежде чем они скрылись в лесу, им пришлось оставить на поляне еще троих своих людей – двоих прикончили стрелы, одного достал Элиен метательным копьем.

Чуткий слух Элиена уловил за спиной легкие, беззвучные для неопытного уха шаги. К сыну Тремгора подошел Герфегест, держа лук с вложенной в него стрелой.

– Ты силен в рукопашной, как я погляжу, – заметил он тихо.

– А ты силен в тростниках, – так же тихо одарил его ответным комплиментом Элиен. Он напряженно вглядывался туда, где исчезла свора стердогастов.

– Я давно учуял их приближение, и когда они подошли достаточно близко, счел, что лучше им меня не видеть – иначе как бы я смог помочь тебе, насаженный на копье, словно вьюн на вертел?

– Разумно.

Поляна была украшена восемью телами. Насколько Элиен помнил, по меньшей мере трое из них еще были живы и в язык не ранены. Виду они, конечно, не подавали. Лежали как жуки-притворщики.

Элиен подошел к одному из них, которому он перебил ноги древком копья, и, ткнув мечом в шею, предложил:

– Поговори со мной, иначе больше уже ни с кем не поговоришь.

Вместо ответа стердогаст ловко отбил меч от своего горла левой рукой и, перевалившись набок, попытался достать Элиена кинжалом. Элиен небрежно парировал его слабый удар и сразу же зарубил необщительного стердогаста.

Настал черед следующего, с пробитым бедром. Тот был, похоже, действительно без сознания – возможно, с перепугу, – потому что Элиен не смог расшевелить его, даже уколов мечом в открытую рану.

Оставался третий, с распоротым животом. Элиена, однако, опередил Герфегест.

– Следи, чтобы он не дергался, – попросил он Элиена и присел над раненым на корточки.

Герфегест подложил левую руку стердогасту под затылок, а пальцами правой ткнул ему в горло. Раненый открыл глаза и смешно ойкнул. «Душит он его, что ли?» – в недоумении подумал Элиен.

Герфегест глухо зашипел, глядя прямо в бессмысленные глаза стердогаста, и спустя некоторое время спросил:

– Как вы попали сюда?

– Две птицы, – ответил стердогаст в той же манере, то есть немного пошипев, прежде чем заговорить.

– Кто послал вас?

– Человек, как птица. Птица, как человек.

– Кто ему был нужен?

– Убийца Эрпоред.

– Живым?

– Да.

– Ты умираешь.

– Я знаю.

– Уходи спокойным.

Герфегест убрал руки. Голова стердогаста безвольно упала. Суровое лицо воина было безмятежно, маска боли покинула его навсегда.

Плот все-таки отыскался, хотя Герфегест клялся-резался, что оставлял его шагов на сто выше по течению.

Кони долго не хотели заходить на плот. Крум, который был приучен преодолевать реки вплавь, видимо, считал плот оскорблением своего высокого конского достоинства. Кобыла Герфегеста, по его собственным уверениям, пересекала Орис на плоту несчетное число раз, но сейчас почему-то заартачилась.

Герфегесту пришлось долго уговаривать ее, нашептывая на ухо какие-то грютские не то стихи, не то заклинания – Элиен толком не понял. Наконец кобыла поддалась его уговорам и нехотя ступила на замшелые бревна. За ней, чтобы не ударить мордой в грязь, последовал Крум.

Элиена не покидал неприятный осадок, оставшийся после стычки со стердогастами. Во-первых, Харрена и Ре-Тар – древние союзники и не пристало северянам рубить друг друга по указке кутах, а в том, что стердогасты сносились с кутах и Серебряными Птицами, о которых рассказывал Леворго, сомневаться не приходилось. На это недвусмысленно указывали слова раненого, а Герфегест утверждал, что в его руках говорит правду, и только правду, даже Первый Церемониймейстер Ре-Тара.

Во-вторых, Элиен был нужен им живым. Это, конечно, спасло ему жизнь, но не могло не вызвать удивления. Зачем стердогастам, которые, конечно, действовали по наущению Урайна, понадобился живой Элиен? Не за тем ли, зачем в конце прошлой осени был пленен секретарь варанского посольства, его Брат по Слову, Шет окс Лагин?

А зачем Урайну Шет? Если бы Элиен не продолжал скрытничать перед Герфегестом, он, не задумываясь, задал бы эти вопросы раковине, а так приходилось перекачивать их на языке, как вываренные в меду орехи, только сладости в них не было никакой. Эти орехи были выварены разве только в собачьей желчи.

Плот степенно раскачивался на водах могучего Ориса. Луна – усохший цветок Солнца – заливала землю ровным белесым светом. Северный берег почти скрылся из виду, южный медленно приближался.

Шесты уже давно не доставали дна, но Герфегест успокоил Элиена, сказав, что они попали в правильное течение и скоро их вынесет к месту, где будет помельче, и тогда они спокойно выгребут к берегу.

Крум и лошадь Герфегеста продолжали волноваться. Стоило большого труда упросить их лечь и успокоиться. Плот был сделан добротно, но все-таки рассчитан на меньший вес. Поэтому вода иногда перекачивалась через бревна, усиливая ощущение неуют и шаткости их положения.

Элиену припомнились слова Гаэт, произнесенные устами Теллы перед расставанием: «Бойся медленнотруйного Ориса. Бойся тихой воды под замшелыми бревнами».

Время шло, а шесты никак не находили себе опоры в вязком донном иле.

– Странно, – заметил Герфегест, пристально глядя на юг. – Мы должны были приблизиться к берегу, потому что течение здесь идет немного наискосок, но мы, похоже, остаемся посередине реки.

«И таким образом, постепенно отклоняемся от Знака Разрушения», – с тревогой подумал Элиен. Сила Ориса велика, ночь длинна, а шест – не весло, им до берега не догребешь. Уж не стоит ли плюнуть на все и броситься вплавь? А то ведь можно встретить рассвет и в Нелеоте.

Элиену стало не до лишней скрытности. В конце концов Герфегест и так, судя по всему, знает куда больше, чем говорит. Если он узнает еще что-то, то можно быть уверенным, что он не станет делиться своим знанием с первым же встречным забудыгой.

Элиен достал раковину.

– Память о ловкой любовнице? – ехидно спросил Герфегест. Зоркий у него глаз. Казалось ведь – смотрит на юг.

– Что-то вроде этого, – кивнул Элиен. Ему показалось, что раковина слегка вибрирует в его руках. Он поднес ее к уху.

– Наконец-то, я уж думала не докричусь, – шумно вздохнула раковина. – Внизу, под плотом...

Элиен не дослушал.

Потому что в это время плот провалился на два локтя в воду, словно чья-то невидимая рука схватила его снизу и повлекла в непроглядную пучину Ориса. Потом плот был отпущен и шумно вылетел на поверхность воды.

– Сыть Хуммерова! – заорал Герфегест. Как видно, и ему не был чужд страх.

Перепуганные насмерть кони бросились в воду. Элиен не устоял на ногах и основательно ушиб левое колено. К счастью, он остался на плоту, но его шест упал в реку.

– Крум, назад! – крикнул Элиен. Безо всякого результата. Кони плыли к южному берегу.

И в этот момент из воды поднялось мерцающее нечто. Элиен не успел разглядеть его в неярком свете луны, а нечто уже оседлало Крума и, непостижимым образом развернув коня, направило его назад к плоту.

Это был не человек, но кошмар человека, его страшный сон, то, что оставляет после себя недобрая душа утопленника. В руках у призрака было что-то, похожее на шест. Призрак, казалось, всасывает в себя воду, обретает какое-то колдовское подобие плоти и то же самое происходит с его шестом.

Герфегест, знавший один ответ на все вопросы судьбы, выстрелил. Промаяхнуться с десяти шагов было невозможно. Стрела, расплескав несколько мелких брызг из полупризрачного водяного тела, прошла сквозь него навывлет, не причинив, похоже, ни малейшего вреда.

Шест призрака переливался теперь в свете луны мрачными оттенками жидкого олова. А на его конце, обращенном к плоту, образовался зазубренный наконечник, вид которого не сулил ничего хорошего. На расплывчатом доселе лице призрака обозначились огромные глаза, в которых змеились, словно пиявки, два нелюдских продолговатых зрачка.

Взглянув в них, Элиен понял все. Киад, вечер, большая речная галера, какую гервериты называют сагерной. Угрюмый человек привязывает к ногам старика огромный камень. Короткие ритуальные формулы приговора. Именем Корня Вязов... За порчу и злое наущение... В назидание прочим... Препоручить Октанга Сарома заботам пиявок...

Далеко унес тебя Вечный Орис за сорок лет, бездарный колдун Октанг Саром, отец разорителя могил Октанга Парса, дед Пожирателя Сармонтазары, Длани Хуммера, Октанга Урайна, который не смущается нынче тревожить души предков ради своего злого дела!

Герфегест полоснул стрелой по языку. Наконечник стрелы обагрился кровью. Герфегест был страшен. Его лицо, казалось, совершенно окаменело, но в глазах бушевала неукротимая ярость, а с губ слетали звучные слова чужого языка. Элиен не сомневался в том, что нет такого наречия в Сармонтазаре. Возможно, на нем говорил Хуммер, а возможно, те, кто был до него – рассудок отказывался служить при мысли об этом.

Герфегест натягивал тетиву, но призрак опередил его. Острога ринулась прямо в грудь лучника, чьего имени Октанг Саром не знал, но чья стрела, обагренная теперь кровью живого, сулила ему вечное забвение.

Элиен успел. Щит Эллата встретил острогу в двух локтях от груди Герфегеста. Неярко блеснув, острога разлетелась на мириады брызг. Единственный щит в Сармонтазаре мог выдержать удар этой остроги, и он выдержал. Щит – но не его хозяин. Элиен испытал обжигающую вспышку боли, которая, поднявшись по руке, ударила в самое сердце. Элиена отшвырнуло назад, и они с Герфегестом на пару оказались в воде.

Когда Элиен, ухватившись рукой за осклизлые бревна плота, огляделся по сторонам, врага видно не было. Ошарашенный Крум греб к южному берегу. Рядом с Элиеном покачивался на поверхности Ориса Герфегест.

– С тобой все... – начал Элиен, когда Герфегест, даже не успев вскрикнуть, резко ушел под воду.

Элиен мгновенно сообразил, что это означает. Он, не задумываясь ни на миг, нырнул следом – благо, тяжелое оружие Эллата само тянуло ко дну.

Перехватив меч левой рукой, чтобы освободить правую, Элиен потянулся ею в мутную темноту, бешено работая ногами. В непроглядной воде что-то блеснуло – надо полагать, глаза доброго дедушки Урайна. Выше его глаз сгущалось пятно темноты, в которой узнать Герфегеста было невозможно, но узнавать больше было некого. Значит, Герфегест.

Элиен надеялся, что за спиной его попутчика все еще висит колчан, в котором сыщется хотя бы одна стрела. Да, она была. Пальцы Элиена сомкнулись на жестком оперении.

Выдернув ее, Элиен, помня пример Герфегеста, на выдохе, чтоб не захлебнуться, полоснул себя по языку и сразу же, пока на ее наконечнике оставалась хотя бы пылинка крови, устремился вниз, к мерцанию призрака. Сильный удар. Стрела вошла прямо между глаз врага.

К счастью, хватило и того, что наконечник стрелы изведal прикосновения к человеческой крови. Призрак исчез, а Элиен, подхватив Герфегеста, потащил его к поверхности.

Когда мозг уже заволакивало розовым туманом и казалось, что щит Эллата весит больше самого тяжелого мельничного жернова, они наконец выплыли на поверхность; свет луны показался Элиену столь ярким, что он с удовольствием зажмурился.

Орис не был Кассалой, которую Элиен месяц назад смог переплыть из чистого озорства при полном вооружении. Орис был шире по меньшей мере вчетверо, и у них, обессиленных после утомительной борьбы с водяным умертвием, почти не было шансов доплыть до берега – южного или северного, не важно, поскольку они находились ровно посередине плеса.

Их спасли кони. Когда Элиен был уже готов распротиться со щитом Эллата, который нестерпимо тянул ко дну, впереди показались белые буруны, и сын Тремгора, с неприятным холодком заподозривший появление очередных родственников Урайна, вскоре вздохнул с облегчением – это были Крум и кобыла Герфегеста.

Достигнув все-таки берега, подсчитали потери. Герфегест остался без лука, Элиен – без карты и раковины. Герфегест безучастно пожал плечами, Элиен же был в неистовстве, на бурное выражение которого, впрочем, не хватало сил. Успокаивало лишь то, что, во-первых, оба живы, а во-вторых, судьба оставила сыну Тремгора меч с Тиарой Лутайров.

Пути Звезднорожденных

564 г., Варан

Законы Великого Княжества Варан просты и справедливы. Право на получение государственных должностей имеют лишь те, кто прошел военную службу и отличился в бою. Чем выше заслуги, тем больше шансов у тебя быть избранным Княжеским Советом на высокий пост.

Шет окс Лагин пришел в варанский флот (в Варане почти все войско – флот, а почти вся пехота – морская пехота) в возрасте восемнадцати лет и какое-то время состоял при капитане галеры порученцем. Естественно, его пламенная природа жаждала большего и большее случилось.

По соседству с Вараном, на скалистом и угрюмом полуострове Цинор, устремленном на север уродливым языком и отделяющем от океана море Фахо, обитает разбойный народ смегов. Земель у них мало, а те, которые есть – бесплодны, как только может быть бесплодна щебенистая глина.

Никаких сокровищ недр Цинора не таят, а женщины смегов отнюдь не во вкусе солдат просвещенных народов. Смеги – умелые мореходы и отчаянные бойцы, чем и живет их немногочисленный, но знаменитый народ. Смеги с гордостью говорят о себе, что никогда не гнули спину ради своего пропитания, и это правда.

Ради своего пропитания смеги гнут только луки, а ветер гнет ажурные мачты их вертикальных посудин. Горе кораблю вольных торговцев, отставшему от каравана в виду Цинора! Горе жирному ре-тарскому двухмачтовику, выброшенному бурей на суровые камни Цинора! Горе варанскому карательному отряду, заплутавшему среди бесчисленных ущелий и речушек Цинора!

Но горе и смегам, если очередной Великий князь, вступая в правление, захочет войти в исторические анналы под звонким прозвищем. Бронзовый Бык. Бич Смегов. Искоренитель. Сокрушительный Гребень Счастливой Волны. Тогда вся ярость Варана обрушивается на Цинор и только поразительная отвага да горные неприступные крепости спасают народ смегов от полного истребления.

Шету окс Лагину повезло. Когда он уже охрип орать на гребцов, носить на берег любовную переписку капитана (галера стояла в Урталаргисе, столице вольных торговцев и, соответственно, их скучающих жен) и встречаться одновременно с тремя высокородными особами, подошел срок и Княжеский Совет избрал на правление просвещенного Лотара окс Мидана.

Князь любил слова харренской поэзии, топот грютских скакунов и бой боевых барабанов. А тут еще смеги на свою беду перехватили разом три корабля, следующих из Таргона в Пиннарин и везущих, помимо прочего, четыре сотни закупленных по его личному заказу свитков из Ровентской библиотеки. Поэзии Лотар окс Мидан, таким образом, лишился, зато появился повод постучать в боевые барабаны.

Дело затевалось серьезное. Речь шла не об обычной карательной экспедиции, а о большой войне. К смегам направили послов с Дарами Смерти, а армию стали готовить к выступлению.

«Во дни объявленной в соответствии с Правом Народов войны клянусь быть моему Брату по Слову верным союзником и сражаться с его врагами как со своими собственными». Так на рейде Урталаргиса появились корабли под харренскими стягами. На это в общем-то Лотар окс Мидан и рассчитывал, когда объявлял войну по всем правилам.

Война со смегами была кровопролитна, быстротечна и совершенно безрезультатна, как, впрочем, и все предыдущие. Пройдя вдоль западного побережья Цинора, смешанный варан-

ско-харренский флот сжег все поселения смегов, до каких только могли дотянуться десантные отряды за один дневной переход, растерял порядочно солдат в засадах и в ночных стычках, обогнул мыс Форф и двинулся на юг.

Во всех сражениях Элиен и Шет окс Лагин дрались плечом к плечу. Когда стрела настигла капитана их галеры, на его должность заступил Шет окс Лагин. Элиен к почетным знакам отличия в чужом войске не стремился, но воевал отменно и счет сраженных им противников приближался к четвертому десятку.

Через три дня после выхода в океан случилось великое несчастье. Невиданной силы шторм, какого варанские ветераны не помнили вот уже тридцать пять лет, обрушился на корабли. Не помогли ни выучка варанских моряков, ни охранительные заклятия на бортах, ни призывы к Пенному Гребню Счастливой Волны.

Элиен и Шет окс Лагин были в числе спасшихся. На чужом берегу, вдали от своих, обессиленные борьбой со стихией, оказались полторы тысячи варанских и харренских солдат, матросов, гребцов.

После первого же нападения смегов, которое не заставило себя долго ждать, от них осталось чуть больше трети. Все крупные военачальники, вплоть до капитанов галер, погибли. Неожиданно оказалось, что Шет окс Лагин – самый старший по должности. Единодушным мнением они с Элиеном были провозглашены вожаками отряда.

В это время стало известно, что князь Лотар окс Мидан с сухопутным войском осадил крепость смегов Хоц-Дзанг. Было решено пробиваться туда.

Поход Пятисот, как сразу же окрестил возвращение отряда Шета окс Лагина один склонный к героической поэзии галерный раб, был поразительно труден. Немногие уцелевшие еще долго не могли поверить в свое спасение. С сухопутным войском Лотара окс Мидана, безуспешно осаждавшим Хоц-Дзанг, удалось соединиться восьмидесяти трем самым удачливым рубакам. Первое место среди всех самых удачливых рубак, принимавших участие в той войне, делили, безусловно, Элиен и Шет окс Лагин.

После этого война быстро угасла, оставшиеся в живых харрениты вернулись в Урталаргис, а оттуда направились домой. Вместе с ними в Ласар отплыл и Элиен.

Он стоял на корме корабля и плакал, не стыдясь своих слез, глядя, как тает в тумане пристань Урталаргиса, где застыл с рукой, воздетой в прощальном жесте, Шет окс Лагин. Сын Тремгора знал, что оставляет в Варане самого дорогого ему на свете человека, своего Брата по Слову, и сердце его сжималось от недобрых предчувствий.

563 г., Весна

После Похода Пятисот Шет окс Лагин был замечен и его заслуги оценены по достоинству. По настоятельной рекомендации самого Лотара окс Мидана Княжеский Совет утвердил молодого воина в должности советника Иноземного Дома.

Двенадцатого числа месяца Эсон в варанский порт Пиннарин вошла герверитская сагерна. На ее синем парусе чистым белым цветом явила глаз незамысловатая эмблема – широкогорлая чаша. С сагерны на берег сошли трое. Гладко выбритые – ибо бороды у просвещенных народов считаются признаком варварства, – богато одетые, перепоясанные кинжалами.

Спустя неделю в Ордосском дворце появились те же трое и, скупно улыбаясь, зато щедро кланяясь, попросили аудиенции у Великого князя.

Лотару окс Мидану были вручены верительные грамоты и короткое письмо.

Грамоты удостоверяли, что податели сего являются особыми и полномочными послами Земли Герва со всеми следующими отсюда на основании Права Народов выводами.

Письмо гласило:

«Любезный друг мой!

Я, Октанг Урайн, волею народа вошедший в дворцовые покои правитель Земли Герва, приветствую тебя, Прозревающий Сквозь Туман, Кормчий Судеб, Владелец Морей от Када до Града Магдорна.

В соответствии с устоявшимся порядком вещей, внезапная смена правителей в каком-либо государстве вызывает удивление, а порою и беспокойство у властей предержащих всех прочих народов. Так было, когда в Ре-Таре воцарился Эррихпа. Так было, когда в Радагарну пришел Эстарта. Так и сейчас, когда я возглавил свой народ во имя порядка и процветания.

Не таит ли в себе угрозы новый властитель? Не принесет ли его правление войну в земли Сармонтазары? Пребывают ли его совесть и рассудок в согласии с Правом Народов? Обычно ответы на эти вопросы дает лишь время.

Но я не доверяю времени – этому коварному и изменчивому союзнику – и всей душой желаю, чтобы все кривотолки, связанные с моим воцарением, разрешились незамедлительно. Этим целям и служит мое посольство. Полагаю, что ответное посольство из Варана смогло бы положить начало крепкому союзу между нашими державами во имя блага обоих народов».

Под письмом, написанным умелым каллиграфом, стояла печать: человеческая ладонь. Средних размеров человеческая ладонь, оставившая на бумаге темную обугленную тень. Контраст между этим зловещим знаком и самим письмом, сочащимся медвяными соками дружелюбия, был настолько велик, что Лотар окс Мидан закрыл глаза.

Открыл. Все по-прежнему. Толстая воцаренная бумага едва заметного красноватого оттенка – и откуда только такая у герверитов? – и черная человеческая ладонь. Надо полагать, этого, как его... окс Мидан скользнул взглядом по началу письма – Октанга Урайна. Варвар он и есть варвар. Небось царем стал, а писать так и не научился.

Лотар окс Мидан хмуро поглядел на послов. Те с бесстрастным выражением смотрели мимо него, в никуда. Они ожидали ответа.

Их присутствие вдруг стало обременять князя неизведанной раньше сковывающей тяжестью. Он с трудом нашел в себе силы, чтобы поблагодарить послов за доставленное послание, и пообещал завтра снова принять их, чтобы сообщить свое решение.

Когда послы ушли, окс Мидан быстро вышел из тронного зала и направился в сад, в тенистой и сумеречной глубине которого, среди всклокоченных корней старого бука жили саламандры.

Он еще раз перечитал письмо. «Любезный друг мой»! Хорош дружок. «Благо обоих народов»! Какое благо нам от герверитов? Торговля? Торговля и так ведется хорошо. Военный союз? Против кого? Против смегов? Ерунда. «Моим воцарением». Окс Мидан криво усмехнулся. Больше всего ему сейчас хотелось увидеть Октанга Урайна рабом на самой трухлявой галере варанского флота.

Окс Мидан был так раздражен, что вспомнил о цели своего прихода в сад, только когда его блуждающий близорукий взгляд остановился на оранжевых пятнах под ногами – саламандры выползли к своему покровителю.

Князь присел на корточки и положил на землю перед ними письмо Урайна. Они настоженно попятились. Тогда князь – со стороны могло показаться, что он окончательно и бесповоротно впал в детство – ловким движением ухватил одну из них и швырнул в самый центр Урайновой печати-длани.

Его самые недобрые предчувствия сбылись. Саламандра провалилась сквозь черный отпечаток, будто бы он был соткан из воздуха. Вода проходит сквозь сито, ветер сквозь пустоту, пламя сквозь пламя.

Лотар приподнял лист, чтобы посмотреть, куда подевалась саламандра. На земле, среди прошлогодних буковых листьев, лежал крохотный скелетик – все, что осталось от саламандры.

Окс Мидан понял, что направить к Урайну посольство все-таки придется. Именно из-за оскорбительной формы письма. Именно из-за зловещей и необъяснимой длани-печати.

Никогда в жизни Лотар не видел ничего подобного и ему не доводилось слышать, чтобы кто-либо из Великих князей получал такие послания до него. Что же оно означает на самом деле? Не могли же эти трое расфуфыренных герверитов проделать путь в две тысячи лиг лишь затем, чтобы доставить послание, в самых расплывчатых фразах предлагающее мир и дружбу? Это при условии того, что у Варана с герверитами испокон веков мир и дружба! Им делить нечего.

В этот момент окс Мидан почувствовал приблизительно то же, что и полгода назад под стенами цитадели смегов Хоц-Дзанг. Вялость, апатию, желание устраниваться от дел, переложив ответственность на чужие плечи.

Так бывает только после пережитого страха близкой смерти. Под Хоц-Дзангом он испытал этот страх, когда во время отчаянной предрассветной вылазки смегам удалось ворваться в лагерь. На пороге княжеской палатки возник вдруг здоровенный варвар в маске из рыбьей кожи. Смег был заколот телохранителями, но страх остался с окс Миданом навсегда.

Теперь он стоит под своим любимым деревом в самом центре могучего Княжества Варан. Его жизни ничто не угрожает. Но под его ногами на земле застыл ажурный контур напрочь вычищенной от кожи и плоти саламандры, а руки жжет проклятое письмо Урайна.

«Какая, в сущности, разница? – вяло подумал окс Мидан. – Пусть туда съездит какой-нибудь толковый служака из Иноземного Дома, пусть все как следует узнает, а там уже видно будет. Сопровождение надо им дать попредставительнее. В посольстве обязательно должен быть молодой, отменный воин. Вот, к примеру, тот, который вместе со своим Братом по Слову вывел с Цинора... Да, точно, его зовут Шет. Шет окс Лагин».

Глава 7

Сыны степей

562 г., Вторая неделя месяца Алидам

Когда Элиен открыл глаза, первым, что он увидел, был обнаженный по пояс Герфегест, раздувающий костер, над которым жарились несколько насаженных на прутья рыбин. Элиен почувствовал угрызения совести. В то время как он спал беспробудно, Герфегест позаботился о завтраке. Герфегест даже не разбудил его. Стало быть, сам он не спал этой ночью, исполняя обязанности караульного.

Не торопясь подниматься с попоны, которая в эту ночь служила ему постелью, Элиен рассматривал Герфегеста в придиричивом свете яркого летнего утра. Быть может, некоторые важные детали были скрыты от него одеждой? Быть может, Элиен встречался с Герфегестом раньше, в Харрене?

Цвета воронова крыла волосы были заплетены теперь в две грютские косы, связанные вместе за спиной. Сложение скорее поэта, чем воина. Вся его фигура вытянута и тонка. На правой щеке едва заметный шрам. Впрочем, в том, что это шрам, Элиен уверен не был.

Солнце стояло высоко над головой, и это давало Элиену все основания заключить, что он проспал гораздо дольше, чем это допускалось походными приличиями.

– Я не разбудил тебя, извини, – сказал Герфегест, лукаво подмигивая Элиену, заспанному и помятому, складывая в холщовый мешочек бритвенные принадлежности. – Твой сон был так крепок и безмятежен, что я просто не нашел в себе сил прервать его бесцеремонным вторжением.

– Небось весь день проспичь в седле, – хмуро заметил Элиен, сразу по пробуждении наполнившийся воспоминаниями о прошедшей ночи.

– Просплю, – согласился Герфегест. – Кстати, как ты понимаешь, кто это был вчера?

Элиен рассказал Герфегесту все, что успел прочесть в глазах Октанга Сарома, честно прибавив в конце, что не может толком объяснить, каким путем получено его знание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.